

Марина Линник

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

ДВУХ МИРОВ

16+

Марина Линник

На перекрёстке двух миров

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Линник М.

На перекрёстке двух миров / М. Линник — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Царица Савская, царь Соломон... Что связывает их с Великим Зимбабве – потерянным в веках каменным городом, хранящим свою молчаливую тайну? Столетиями человечество пыталось постигнуть историю ушедшей цивилизации. Существует множество гипотез, догадок и предположений, для подтверждения которых порой необходимы невероятные усилия и удача. Герои книги, неожиданно столкнувшись с подобной тайной, отправляются на Африканский континент в надежде отгадать одну из загадок, которую оставили мудрый царь Соломон и не менее мудрая, но еще более таинственная царица Савская. Неожиданные повороты судьбы, интриги и погони, ложь и предательство сопровождают отважных путешественников. Сумеют ли добро, мужество и любовь победить в поединке со злом, или героев поглотит беспросветная тьма?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	41
Глава 10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

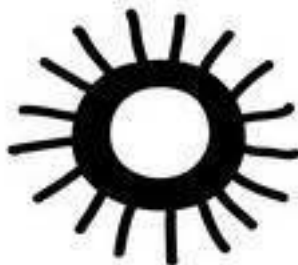
Марина Линник

На перекрёстке двух миров

*Что пользы, если некто... человек...
Без творчества живет короткий век?
А в творчестве, как ты, о Соломон —
Три тысячи лет диктуешь свой закон.
И нет конца у Мудрости твоей —
Бездонны бездны вечности морей...*

ПРЕМУДРОСТЬ СОЛОМОНА в афоризмах Феано

Глава 1

Эта история началась в один из ясных солнечных июньских дней. Вот уже целую неделю и люди, и природа изнывали под безжалостными лучами солнца. Несмотря на то что Париж относится к числу самых зеленых городов Европы, это не спасало измученных жителей. От безветрия даже вечер и ночь не приносили облегчения и желанной прохлады. К сожалению, прогнозы синоптиков не вселяли оптимизма в души уставших от палящего солнца людей.

Элизабет проснулась утром позднее обычного. Сегодня первый выходной день за последний месяц. Как же приятно понежиться в кровати, а не бежать сломя голову на работу! Уже целую вечность она не позволяла себе расслабиться ни на минуту. Но теперь, когда ее подопечные выздоровели и могли обходиться без пристального внимания врача, «кормящая мать» дала себе возможность побездельничать.

Элизабет Бертон было двадцать пять лет. Несмотря на молодой возраст, она была ведущим ветеринаром зоопарка Туари. Статная блондинка с золотыми кудрями и темно-зелеными, чуть раскосыми глазами сумела за два года работы расположить к себе не только людей, работающих в парке, но и свирепых хищников. Поначалу было страшно наблюдать, как хрупкая на первый взгляд девушка бесстрашно входит в вольер к китайским пантерам или африканскому льву. Но благодаря доброте и умению понимать повадки диких животных, в особенности хищников, а также знаниям и природной смекалке, уже через год она стала незаменимым сотрудником зоопарка.

Месяц назад в парке произошел инцидент, заставивший Элизабет практически поселиться в одной клетке с африканской тигрицей Мэри. Это была ее любимица. Мэри исполнилось два месяца, когда ветеринар впервые увидела ее. Тигренок был подарком передвижного цирка, гастролирующего по городам Европы. При рождении у Мэри нашли дефект передней лапы, поэтому дрессировщик, реально оценив возможности котенка, принял решение не взваливать на себя такую обузу. А поскольку утопить беззащитное существо у него не хватило духа, он решил подарить тигренка ближайшему зоопарку. Вот так Мэри и попала в новую семью. Элизабет не просто выходила тигрицу, но, благодаря разработанной девушкой гимнастике, к двум годам Мэри совсем перестала хромать. Она оказалась настолько покладистым, добрым и благодарным созданием, что позволяла ветеринару практически все. И когда та приходила проведать свою любимицу, тигрица не отходила от наставницы ни на шаг, ластясь и мурлыча, словно настоящая домашняя кошка. Позже девушка очень обрадовалась, узнав, что у Мэри будет котенок. Но роды оказались очень трудными. Почти двое суток Элизабет не отходила от подопечной. Детеныш лежал неправильно, да и к тому же родился очень крупным. Мэри потеряла очень много крови, и если бы не усилия сотрудницы зоопарка и других врачей, то для тигрицы все могло бы закончиться печально. К всеобщей радости, мама и малыш выжили. Родившегося котенка назвали Мартином. Но Мэри настолько ослабела, что поначалу ветери-

нару пришлось возложить обязанности мамы на себя. Около месяца девушка провела рядом с Мэри и Мартином, выхаживая их обоих. Но ее труды не пропали даром. Тигренок рос на глазах, а Мэри через три недели смогла сама, без посторонней помощи, справляться с материнскими обязанностями. Убедившись, что помощь врача уже не требуется, измученная наставница решила дать себе один день отдыха.

И вот теперь, лежа на кровати, она обдумывала планы на сегодняшний день. «Пойти погулять по городу или поехать на природу?» – размышляла Элизабет. Уже целый месяц сотрудница зоопарка была оторвана от цивилизации, а человек, когда-то вкусивший ее плодов, уже не может без них обойтись. «Итак, решено. Останусь в городе. Но куда пойти в такую жару? Где можно будет спокойно посидеть в тени и не зажариться на солнцепеке?» Немного подумав, она решила взять свою любимую книгу Сомерсета Моэма «Театр» и отправиться в парк Тюильри. Там, в тени великолепных лип и платанов, белокурое уставшее создание собиралось провести половину дня. «Если будет совсем невыносимо – спущусь к Сене. Во всяком случае, выбор огромен».

Вскочив с кровати и быстро одевшись, она наскоро перекусила, решив основательно позавтракать в городе. Элизабет уже почти спустилась по лестнице на нижнюю площадку, как вдруг услышала звук открываемой двери. Это была ее соседка, добрейшая старушка лет восьмидесяти. Несмотря на преклонный возраст, пожилая женщина сохранила не только бодрость духа и крепкое здоровье, но и красоту.

– Бетти, дорогая, ты уже уходишь?

– Да, мадам Клишо. А вы что-то хотели? Вам помочь?

– Нет, дорогая. Просто я давно не видела тебя и поэтому соскучилась. Ты куда-то уезжала?

– Нет, мадам Клишо. Я работала. Заболела Мэри, вот и пришлось мне временно переселиться к ней поближе.

– У тебя и впрямь уставший вид. Бетти, не надо так переутомляться. Ты еще так молода. И куда смотрит твой дружок, Джордж!

– У него нет выбора, – усмехнулась Элизабет. – Не волнуйтесь, мадам Клишо, со мной все хорошо.

– Тебе стоит поберечь себя, дорогая. Да, да, не спорь. Ты должна думать не только о работе. Ты же в полном расцвете сил!

– Я стараюсь, честно... А вы? Как ваши дела? – поинтересовалась девушка, зная, что если соседка начнет читать лекцию о здоровье, то пройдет не один час.

– По годам, моя дорогая, по годам. Утром проснулась, увидела свет, и слава Богу.

– Вы все еще совершаете ваши пешие прогулки?

– Непременно, но теперь мне приходится из-за жары выходить очень-очень рано. Но в моем возрасте это не трудно. Все равно мучает бессонница... Прости, Бетти, ты торопишься, а я занимаю тебя пустой болтовней.

– Ну что вы такое говорите! Мне всегда приятно с вами поболтать, мадам Клишо. Вы же знаете.

– Знаю, знаю, но все равно не буду тебя больше задерживать... Да, кстати, я вспомнила, зачем хотела видеть тебя. Три недели назад посыльный принес какой-то конверт на твое имя. Он долго не хотел отдавать его, но мне удалось переубедить малыша Пьера. Я решила, что у меня письмо будет в большей сохранности, чем на почте. Они там вечно все теряют. Дорогая, ты же знаешь, какими люди стали безответственными в последнее время. Вот, возьми, Бетти.

– Большое спасибо, мадам Клишо. Но каким образом вам удалось уговорить почтальона?

– У меня свои методы, милая. Как-нибудь я расскажу тебе о них.

– Ловлю вас на слове, – ответила девушка, пряча конверт в сумку.

– Договорились. До свидания, дитя мое. Будь осторожна и смотри, не перегрейся на солнце.

– Я постараюсь, мадам, – Бет улыбнулась. – До встречи.

Выйдя на улицу, укротительница хищником сразу же засомневалась в правильности своего решения пойти прогуляться. Было ровно двенадцать часов дня. Солнце стояло в зените и припекало с невероятной силой. «Господи, ну и пекло. На асфальте можно яичницу зажарить. Может, вернуться домой?» – подумала девушка, стоя в нерешительности. Но перспектива провести целый день в душной квартире не показалась ей привлекательной.

– Ладно, – вслух произнесла Элизабет. – Рискну. В парке, надеюсь, будет не так жарко.

Сев в машину, она через пятнадцать минут стояла у главного входа в сад Тюильри, интереснейшая история которого уходит вглубь веков.

Екатерина Медичи, решившая в 1563 году построить новый дворец рядом с Лувром, купила ближайший участок земли, на котором, по ее приказу, был создан парк в итальянском стиле: с гротами, фонтанами и многочисленными лабиринтами. В то время всю глину с этого участка использовали для изготовления черепицы, то есть – *tuiles*. Это слово и дало название саду. Через столетие устройство парка было поручено Андре Ле Норму, и он создал великолепный ансамбль.

С детских лет Элизабет любила гулять здесь со своими родителями и братом. Девушка села на железный стул и прислонилась к дереву. Как же тут тихо и замечательно. Густая крона дерева не пропускала солнечных лучей и давала спасительную тень, а легкий прохладный ветерок приятно оведал Бет. Устроившись поудобнее на стуле, она осмотрелась. Полуденная жара действовала не только на людей: лениво пролетали полусонные мухи, воробьи забились в листву, и оттуда лишь изредка доносилось их чирикание. В ту же секунду до Элизабет донеслось из кустов, находившихся поблизости, отчетливое кряканье. Девушка оглянулась и увидела утку с утятами. Определенно, где-то неподалеку находилось ее гнездо. Мама-утка, посмотрев по сторонам, тихо крякнула своим малышам, как бы отдавая команду, и те вместе с ней зашагали к ближайшему фонтану, где какие-то сердобольные люди специально для утиног семейства сделали мостик. Боже, до чего же хорошо. Хорошо, когда в твоей жизни все гладко и бестревожно. Так и хотелось воскликнуть: «Остановись, мгновенье, ты так прекрасно!». Единственное, что омрачало ее жизнь – это отсутствие новостей от брата-близнеца. Почти два месяца она не получала никаких известий от него.

Брат Элизабет, Ричард Бертон, после трагической смерти их родителей, которые утонули на своей яхте во время шторма, был единственным близким и родным для нее человеком. Им исполнилось по десять лет, когда случилось то несчастье. Спасательные службы увидели на берегу лишь обломки судна и бутылку с последним посланием от их горячо любимых и любящих родителей. Элизабет до сих пор помнила каждое слово из этого письма, читанного и перечитанного много раз, а особенно хорошо врезались в память несколько последних строчек: «Берегите себя и заботьтесь друг о друге. Мы вас очень любим и будем там, на небесах, молиться за вас. Ваши мама и папа». У девушки навернулись слезы. Невзирая на то, что со времени трагедии прошло достаточно много времени, та боль, которую она ощутила, узнав о случившемся, осталась с ней навсегда.

После похорон и оформления всех документов они перебрались в Марсель, к своему дяде. Других родственников у сирот не было. Генрих Дэвис Херрингтон, капитан дальнего плавания, часто бывал в отъезде. Воспитанием детей занимались няня, нанятая морским офицером, и его экономка. Милейшие женщины сразу же нашли подход к детям. Поэтому Элизабет и Ричард выросли во внимании, любви и заботе, что, без сомнения, отразилось на их характерах. Дети стали добрыми, понимающими и чуткими людьми, всегда готовыми прийти на помощь. Что касается их дяди, то они его, даже если первое время и побаивались, то сейчас просто обожали. Это был настоящий морской волк: крепкого телосложения, высокий, статный

человек с железным, а порою и жестким характером. От его командного голоса, выработанного годами, часто вздрагивали даже самые бесшабашные подчиненные. Генрих Дэвис Херрингтон родился в Эдинбурге, на севере Англии, но ветер странствий занес его однажды в Марсель, и после недолгого раздумья он решил обосноваться в этом прелестном местечке.

Поначалу капитан Херрингтон с трудом находил общий язык с детьми. Ему казалось, что они слишком избалованы и много шумят. Своих детей у него никогда не было, ибо он так и остался холостяком, преданным своей единственной любви – морю. Но вскоре (правда, не без помощи психотерапевта, который посоветовал ему обращаться с детьми помягче и поласковее) в его лице они обрели не только верного и преданного друга, но и советчика в любых делах. И чем дольше моряк общался со своими племянниками, тем больше завоевывали они его сердце.

Когда Ричард подрос, Генрих Херрингтон хотел, чтобы мальчик пошел по его стопам. Но юноша выбрал зоологию, и дядя, видя, что убеждения не помогут, не стал ни на чем настаивать, предоставив детям самим выбирать свою судьбу. В результате сестра и брат, не сговариваясь, выбрали профессию зоолога. После института девушка осталась работать в Париже, а ее брат, влекомый столь свойственной всем молодым людям романтикой, отправился покорять неизведанные просторы Африки.

Вот уже больше двух лет Ричард работал в WCS – Обществе сохранения диких животных. Он ездил с инспекцией по различным районам и паркам Африки, изучая не только топографию, но и влияние человека и прогресса на дикую природу этого столь необыкновенного континента. При поддержке WCS команде, в которой работал брат Элизабет, удалось реализовать немало проектов. Благодаря знаниям, деловым качествам и коммуникабельности Ричард принимал в них самое активное участие.

Три месяца назад его пригласили в один, пожалуй, самый большой за последние тридцать лет проект – создание гигантского национального заповедника. По планам организаторов, он должен был стать самым большим в мире. Это стало возможным лишь благодаря лидерам нескольких африканских стран, которые отказались от претензий на некоторые территории на юге Африки. На их решение повлияли не столько забота о ближних и желание сохранить национальное достояние (а ведь Африка – это один большой уникальный заповедник, величайшее обиталище диких животных), сколько погоня за получением огромной прибыли благодаря сафари, которое должно привлечь большой поток туристов со всего света. Ричард с головой окунулся в новую работу. В последнем письме, присланном около двух месяцев назад, он писал о многообещающих перспективах и своих надеждах. Но затем – ничего, пугающая неизвестность. Элизабет несколько раз звонила в штаб-квартиру, которая находилась в Бронксе, но там ей не дали вразумительного ответа: «Он на задании, сообщить ему, что вы звонили, не представляется возможным. Перезвоните через неделю». Но и через неделю история повторялась. Не выдержав, она поделилась своими опасениями и беспокойством с дядей, Генрихом Херрингтоном.

– Бетти, детка, сдаётся мне, нет совершенно никаких причин для волнения, – последовал лаконичный ответ. – Если он где-нибудь в саванне или джунглях, а может быть, даже в пустыне, то ему в самом деле трудно с ними связаться.

– Но, дядя Генри, он же не может быть там постоянно! Ему и его группе приходится же как-то пополнять свои запасы и сообщать о проделанной работе.

– Для этого совершенно необязательно возвращаться в большой город, дорогая.

– Допустим, я соглашусь с вашими доводами, – ответила Элизабет. – Но почему сотрудники организации толком не знают о местонахождении коллеги и его команды? Почему Ричард не связывается с ними?

– Наверное, поблизости нет телефона, только и всего, – пошутил капитан Херрингтон.

– Но, дядя! Мы живем не в каменном, а в двадцатом веке, и телефон сейчас – не проблема. К тому же, у них обязательно должна быть рация.

– Дорогая, рация – это всего лишь техника, которая имеет привычку отказывать в самое неподходящее время. Мало ли, что могло произойти!

– И руководителей WCS это не волнует? Пропали их люди, а они ничего не предпринимают.

– Бетти, прошло всего лишь полторы недели, – возразил ей Генрих Херрингтон. – Поэтому руководство и не бьет тревогу. Еще достаточно рано для того, чтобы делать определенные выводы...

– Не полторы, а уже две недели, – перебила его девушка, вскакивая.

– Тише, тише, – попытался успокоить ее капитан. – Давай договоримся так: я сам все разузнаю по своим каналам, а потом сообщу тебе. Хорошо?

Племянница молча кивнула головой.

– Ну, вот и отлично. Улыбнись, Бетти. Я уверен, с Ричардом ничего не произошло. Он крепкий и выносливый молодой человек. Более того, он не первый год в Африке. Не беспокойся. Завтра, самое большое послезавтра, все выяснится.

– Спасибо, дядя Генри. Вы всегда вселяете уверенность и даете надежду.

– Не за что, дорогая, – ласково потрепав девушку по щечке, ответил он.

Капитан Херрингтон сдержал свое слово, и к следующему вечеру стало известно, что Ричард и его группа находятся в Танзании, и у них сломана рация, но через две недели они должны прибыть в Табора и связаться с основной базой. Это известие ненадолго успокоило Элизабет.

Но теперь, когда прошло больше месяца с того времени, когда были получены эти сведения, волнение и тревога вновь овладели ее сердцем. «Письмо, – спохватилась она. – Мадам Клишо передала мне его сегодня утром. Как я могла забыть?». Девушка открыла сумку и достала из нее помятый конверт. На нем стояла дата отправки: двадцатое апреля. Внизу был написан ее адрес, а в графе «Отправитель» только: «Момбаса, Кения». Мадемуазель Бертон узнала почерк своего брата, точнее, один из его почерков. Так он писал, когда сильно торопился. «Двадцатое апреля... Это почти полтора месяца назад. Почему письмо так долго шло? Впрочем, нет, дата получения... Так плохо видно! Десятое мая... Да, точно. Десятое мая. Это не письмо долго шло, это я отсутствовала дома слишком долго. Но что Ричард делал в Кении, когда он должен был находиться в Танзании?».

Девушка быстро надорвала конверт. Из него на траву выпал маленький ключик. Элизабет нагнулась и подняла его. Оглядев предмет со всех сторон, она заметила едва заметные цифры. «Интересно, они что-то означают или просто указывают на номер партии? И вообще, от чего он?» Недолго думая, мадемуазель Бертон достала из конверта сложенный лист пожелтевшей бумаги. Дрожащими от волнения руками Бет развернула его и пробежала глазами по строчкам.

«Милая сестричка! Прости, что так долго не давал о себе знать и заставил тебя изрядно поволноваться. Но, к сожалению, у меня и сейчас очень мало времени для того, чтобы толком обо всем рассказать. Поэтому начну с самого главного, а точнее – с большой просьбы. Когда ты откроешь конверт, то увидишь маленький ключ. Он от банковской ячейки в одном из местных банков города Момбаса, а точнее, Union Bank of Kenya. В ней лежит мой дневник с подробным описанием всех событий, произошедших со мной за последние три месяца. Эти события, повлекшие за собой неприятные последствия, полностью изменили мою жизнь. Не буду вдаваться в подробности, ты сама все узнаешь из дневника. Только запомни: он не должен попасть в чужие руки ни при каком условии. Поэтому прошу тебя быть очень осторожной и не терять бдительности. Люди, с которыми нам предстоит столкнуться, весьма опасны. Они не остановятся ни перед чем.

Прости, Бет, что втягиваю тебя в это дело, но у меня нет иного выбора. Ты и дядя Генри – единственные, кому я могу доверять на сто процентов. Вы – родные и самые близкие мне люди.

Перечитал письмо и понял, что ничего еще не успел объяснить тебе, но, вероятно, уже напугал мою дорогую сестренку... А времени совсем не остается. Итак, начну по порядку. Как я уже сказал, банк находится в древней столице Кении Момбаса. Ячейка открыта на имя нашего дяди (здесь за пару сотен наличными это возможно). Вы возьмете дневник и документы, которые лежат вместе с ним, и отправитесь в Найроби. Там вы отыщете одного человека. Это мой старый друг, мы работали раньше в одной упряжке и не раз выручали друг друга в различных переделках. Он знает тот район, куда вам будет необходимо попасть, как свои пять пальцев. Его зовут Майкл Брайт. Вы обрисуете ему сложившуюся ситуацию, и он поможет вам. Не волнуйся, он не подведет. Вы можете полностью доверять моему другу.

А теперь о самом главном. Три месяца назад мне предложили участвовать в проекте по созданию гигантского парка развлечений. Финансирует этот проект Говард Мэйсон из компании «Global Stone's Group». Но через две недели я заметил, что сам проект этого человека совсем не интересует. Под его прикрытием в южной части Африки нелегально начались поиски новых месторождений алмазов и золота. Нет времени объяснять подробнее. Каким образом я до всего этого дошел, ты узнаешь из дневника. Так вот, в ходе работы я натолкнулся на нечто такое, из-за чего сейчас мне приходится скрываться от людей мистера Мэйсона. Дело в том, что открытие, сделанное мною (если, конечно, все предположения окажутся правильными), может изменить некоторые странички в истории. Теперь о моем открытии. Помнишь, Бетти, в детстве, после прочтения книг Хаггарда «Копи царя Соломона» и «Перстня царицы Савской», я, как и многие мальчишки моего возраста, увлекся идеей разгадать секрет, будораживший воображение человечества несколько веков. Долгие годы мою голову не покидали мысли и думы о тайне. И, живя в Африке, я ни на миг не забывал о ней, по крупинкам собирая детали из легенд, дошедших до наших дней и сказаний. Нет, Элизабет, я не нашел копи, но натолкнулся на другое, возможно, более ценное открытие. Ежели мои догадки подтвердятся, то я раскрою тайну Великого Зимбабве. Ведь местные жители до сих пор называют комплекс разрушенным дворцом царицы Савской, а первые европейцы в XVIII веке считали его копиями того самого легендарного царя.

Мне удалось скрыть свое открытие от работодателя, но и стены, увы, имеют уши. К тому же я, как уже писал, узнал об истинной цели деятельности Говарда Мэйсона в Африке. В его лице я нажил себе опасного врага, теперь меня разыскивают по всему черному континенту. Сама понимаешь, мне пришлось бежать и просить защиты у одного дружественного племени. На основании тех документов, что хранятся вместе с дневником, мистера Мэйсона и его друзей можно посадить за решетку на долгое-долгое время. Отдай эти бумаги Майклу Брайту, он знает, что с ними делать.

Бетти, дорогая моя сестренка. Береги себя. Ежели с тобой что-нибудь случится, то я никогда не прощу себе, что втянул тебя в эту историю. Передавай привет дяде.

Надеюсь, до скорой встречи!

Целую, твой брат Ричи».

Глава 2

Мадемуазель Бергон сидела неподвижно, не веря прочитанному. Это было похоже на страшный сон. Она еще раз пробежала глазами письмо. Нет, все правильно. Никакой ошибки. Господи, какими судьбами Ричарду угораздило вляпаться в неприятности? Безусловно, еще с детства его неугомонный характер давал о себе знать, и брат постоянно попадал во всякие истории, но то были простые шалости. Что же делать? С кем посоветоваться? Прежде всего, непременно, нужно связаться с дядей. Без его совета и помощи ей не распутать этот клубок. Девушка вытащила из сумки телефон и набрала знакомый номер. Трубку подняла мадам Маркош, экономка капитана Херрингтона.

– Алло, я вас слушаю.

– Мадам Маркош, это Элизабет, добрый день. Вы не подскажете, дядя дома? Я могу с ним поговорить?

– Дитя мое, до чего же я рада тебя слышать! Ты совсем нас забыла.

– Как я могу вас забыть? Вы столько сделали для меня и моего брата. Я пропала, потому что Мэри тяжело заболела и нуждалась в постоянном уходе. Простите, мадам Маркош, я с удовольствием поговорю с вами, но в другой раз. Мне очень срочно нужен дядя.

– Сожалею, дорогая, но его нет. Он с самого утра ушел в порт по делам и до сих пор еще не вернулся.

– А когда дядя обещал прийти?

– Капитан Херрингтон дал распоряжение приготовить обед к пяти часам, то есть через два часа с четвертью. А ты, дитя мое, знаешь, что он всегда пунктуален. Помнишь его любимый афоризм? «Время – самое ценное из всех средств». Так что я предполагаю, что твой дядюшка обязательно подойдет к этому времени. Может быть, ему что-нибудь передать?

– Нет, нет, мадам Маркош. Я перезвоню попозже. Удачного вам дня!

– И тебе, Бетти. До свидания!

Девушка отключила телефон. Вот так всегда бывает: когда нужно срочно кого-то найти, его либо нет дома, либо он недоступен. Что касается последнего, то к капитану Херрингтону это не относилось. Он ненавидел мобильные телефоны, считая, что они плохо влияют на здоровье человека...

Итак, получается, что поговорить с ним она сможет лишь через два часа. Но ей непременно важно было выговориться и поделиться с кем-нибудь, кто сможет выслушать ее и поддержать. Кому же можно довериться? Джордж... Как она про него забыла?

Джордж был ее другом. Когда-то между ними пробежала искорка, но небольшой огонек так и не разгорелся в пламя. Поэтому через несколько лет общения их интимные отношения сошли на нет, и молодые люди постепенно стали просто друзьями, которые по возможности поддерживают и помогают друг другу, когда в этом есть необходимость. Джордж был простым, ничем не примечательным, но эрудированным в своей области и образованным парнем. Но из-за всепоглощающей лени он так и не сумел к тридцати восьми годам найти свое место в жизни. Поэтому в его словах, особенно в последнее время, стал проскальзывать некий скептицизм и ирония. Не желая особо трудиться, он больше всего на свете любил полежать на диване и пофилософствовать о тех вещах, смысл которых не всегда был ему понятен. Может быть, поэтому, а может быть, из-за его постоянного нытья, Элизабет приняла решение оставить все как есть и не давать их отношениям развиваться дальше. Поначалу Джордж, сразу же заметивший холодок со стороны девушки, ничего не мог понять. Но со временем он привык и уже не задавал ненужных вопросов. Однако иногда молодой человек вновь пытался выяснить причину резкого изменения отношений, но Бет, со свойственной ей дипломатичностью, сводила эти разговоры к общим, ничего не значащим фразам. И все же так получалось, что ей прихо-

дилось довольно-таки часто обращаться к нему за помощью по тем или иным вопросам, и он никогда не отказывал ей. И вот теперь, когда ей понадобилось выговориться, она в очередной раз набрала номер Джорджа.

– Привет, привет, красавица. Где так долго пропадала? Я совсем потерял тебя. Нет, я, вне всякого сомнения, понимаю, что у тебя много дел, но можно иногда хоть ответить на сообщение, коль не хочешь или не можешь разговаривать. Ты так не считаешь?

– Ой, Джордж. Сразу так много слов! Я все не запомню. Так на чем ты остановился?

– Не издевайся. Я же все-таки волновался. Что с тобой стряслось? Дома тебя нет, на звонки по мобильному телефону ты не отвечаешь. Что я мог подумать? Если бы ты не объявилась в ближайшие дни, то я отправил бы целую армию полицейских на твои поиски.

– Очень странно слышать такие слова от человека, который либо спит, либо ест. Ах, прости, иногда ты еще смотришь телевизор или копаешься в компьютере. В остальное время, при условии, что оно, конечно, у тебя остается, ты разглагольствуешь о тех вещах, в которых ничего не смыслишь, или же обвиняешь всех и вся в смертных грехах. Кипучая деятельность – не твой конек.

– Элизабет, я что-то не пойму. Сначала ты пропадаешь на целый месяц, потом звонишь и начинаешь мне все это выговаривать...

– Прости, прости. Я просто не в духе. Несколько минут назад я столкнулась с одной пока неразрешимой проблемой

– Что с тобой стряслось? Что-нибудь серьезное?

– Со мной ничего. Но Ричард...

– И что же мальчик на сей раз учудил? – съехидничал Джордж.

– Не смей так говорить о моем брате!

– Извини, вырвалось. Но твой брат имеет поразительное качество притягивать к себе неприятности. Так что стряслось с ним на этот раз?

– Он попал в беду и сейчас вынужден скрываться от одного человека в каком-то местном племени. Ричи просит помочь ему выпутаться из этой истории.

– Все правильно, – скептически заметил молодой человек. – Он опять сунул свой нос в чужие дела, и кому-то это не понравилось. И теперь кричит: «SOS!».

– Ни к кому он не лез. Ричарду стало известно, что компания, финансирующая проект по глобализации национального парка Африки, преследует совершенно иные цели. Но это еще не все...

– Интересно, а каким образом он это узнал, – прервал ее Джордж.

– Джордж, не перебивай меня, – повысила голос Элизабет. – Ну что за привычка! Ты никогда не даешь человеку договорить.

– Хорошо, хорошо. Я слушаю тебя, – ответил молодой человек.

– Так вот. Это еще не все. Ты знаешь, Рич уехал в Африку два года назад.

– Как не помнить. Тебя чуть удар не хватил, когда ты узнала о решении брата.

– Что было, то было, – согласилась девушка. – До этого мы с ним никогда не расставались на такой длительный период времени. Но сейчас речь не об этом. Я тебе никогда этого не рассказывала, но с детства Ричард очень увлекался рассказами о кладах и сокровищах, а также легендами, связанными с ними.

– Очень трогательно, – небрежно заметил Джордж.

– В конце концов, я могу отдохнуть от твоих совершенно неуместных комментариев? Ты можешь помолчать пару минут или для тебя это сложно? – взорвалась девушка.

– Все, все, все. Молчу, – дружелюбно проговорил Джордж. – Что же дальше?

– Ричи собирал предания, любые сведения и всевозможную информацию. Особенно его интересовала история царя Соломона и царицы Савской. Невзирая на то, что он не пошел учиться на археолога, брат весьма сведущий в этой области человек.

– Ты хочешь сказать, что малютка Ричи нашел копи, которые не смогли найти самые именитые ученые и искатели приключений за несколько столетий? Не смей меня!

– Я этого не утверждаю, но он нашел нечто, что сможет подтолкнуть ученых всего мира к разгадке этой тайны. По крайней мере, мне так видится. Ричард не поделился подробностями.

– И ты приняла за истину подобную чепуху? Элизабет, ты же здравомыслящая особа! Неужели ты поверила в написанную твоим братцем нелепицу? Малыш Рич разгадал загадку... Нет, не так! Великую загадку ушедшей в века легенды! Силы небесные! Ха-ха-ха! Я так и вижу уже его глупую физиономию на страницах всех газет и журналов с книгой мудрости царя Соломона в руках.

Джордж захохотал так оглушительно, что девушке пришлось убрать телефон подальше от уха, дабы не оглохнуть. Постепенно ярость начала душить ее. Да как он смеет так разговаривать с ней! Зарвавшийся сморчок, ничего не умеющий и ничего не достигший в жизни! Да не будь ее, охальник так и провалялся бы всю жизнь на диване. Это она открыла ему глаза на окружающий мир. Это она познакомила его с творчеством многих гениальных писателей, драматургов, художников и композиторов. Благодаря ее стараниям, молодой мужчина начал интересоваться книгами, театром и вообще искусством. Путешествуя вместе с ней, ее приятель открывал для себя новые города и культуру других народов. И вот сейчас это ограниченное существо смеет смеяться над ней и ее братом.

– Джордж, довольно! У меня нет времени и желания выслушивать дерзости от лиц, подобных тебе. Хватит, достаточно. Не тебе судить о людях, которым ты даже в подметки не годишься. Я устала от твоей глупости и уже не хочу и не могу тянуть непосильную для меня ношу. Думаю, ты понимаешь, о чем я. Однажды Леонардо да Винчи сказал: «Бездельника хлебом не корми, а дай порассуждать, да и в умении очернить других ему не откажешь. Он всегда готов найти оправдание собственной никчемности»... Прощай.

Элизабет выключила телефон. Ее переполняли бурные эмоции. «Да как он посмел?» – все повторяла и повторяла сестра Ричарда. Она была не в силах сейчас ни с кем разговаривать, поэтому решила отложить разговор с родственником до возвращения домой, чтобы иметь возможность немного успокоиться. Положив конверт и ключ в сумку, мадемуазель Бертон устремилась к выходу из парка. Все-таки дядя Генри был прав, утверждая, что Джордж ей не пара. Почему она сама раньше этого не замечала? А ведь ей, впрочем, как и любой другой девушке, так хотелось душевного тепла, внимания и заботы со стороны любимого человека. Но... Как писал один философ XV века: «Существуют два вида любви: одна простая, другая взаимная. Простая – когда любимый не любит любящего. Тогда любящий целиком мертв. Когда же любимый отвечает на любовь, то любящий, по крайней мере, живет в нем. В этом заключено нечто восхитительное». Отношения молодых людей развивались, к сожалению, а может, и к счастью для девушки, по первому сценарию. Вовремя осознав их токсичность, Элизабет решительно и без сожаления поставила большую и жирную точку. «Все, хватит. Сейчас есть более важные вещи, а расстраиваться и обращать внимание на такое ничтожество, как Джордж, это означает только зря расходовать свои силы и энергию. А они еще пригодятся в предстоящей поездке».

Еще не поговорив с дядей, сотрудница зоопарка Туари уже приняла решение, на которое никто не смог бы повлиять.

Африка...

Глава 3

Подъехав к дому, Элизабет увидела две полицейские машины, а рядом с ее подъездом несколько любопытных зевак. «Наверное, что-то стряслось в мое отсутствие. Интересно, что именно», – подумала девушка, выходя из авто. На лестнице она столкнулась с чрезвычайно взволнованной соседкой.

– Как хорошо, моя дорогая, что ты наконец-то вернулась. Полиция уже здесь.

– Простите, мадам Клишо, я ничего не понимаю. А причем здесь я? Я не вызывала полицию, и, признаюсь, в настоящее время не испытываю в этом необходимости.

– Знаю, знаю, Бетти. Ее вызвала я.

– Но зачем? С вами что-то случилось? Вас ограбили?

– Нет, у меня все хорошо, но вот к тебе приходил какой-то мужчина и пытался вскрыть твою дверь.

У Элизабет похолодело все внутри, и от волнения сильно забило сердце.

– Мою дверь? Не может быть. Но каким образом вы узнали?

– Очень просто, дитя мое. Честно говоря, я ждала твоего возвращения, чтобы поболтать с тобой еще немного. И поэтому, когда я услышала шаги в коридоре и позвякивание ключей, то подумала, что ты уже вернулась. Я приоткрыла дверь, чтобы пригласить тебя зайти ко мне на минутку, но неожиданно увидела высокого черноволосого мужчину. Сначала я приняла его за твоего нового знакомого, но тип вместо того, чтобы позвонить в дверь, попытался чем-то вскрыть твой замок. Я поинтересовалась у него, что ему понадобилось в твоей квартире, и кто он, собственно, такой, чтобы врваться в чужой дом.

– Вы окликнули его? – удивилась девушка. – Мадам Клишо, вы смелая женщина! И что же он вам ответил?

– Незнакомец вздрогнул и повернулся ко мне. Никогда в жизни я не встречала более отвратительной и неприятной физиономии. Смесь гориллы и орангутанга. Сомневаюсь, что среди твоих друзей и знакомых могут водиться подобные личности.

– Вы правы, в моем окружении нет такого человека, подходящего под ваше описание. Вы хорошо запомнили того типа?

– Я уже дала описание его внешности полиции – они обещали составить фоторобот и показать мне, а потом, я думаю, и тебе. В общем, я надеюсь, наши доблестные полицейские скоро его найдут.

Вдруг на лестнице послышались шаги. Женщины обернулись. Мадам Клишо заволновалась при виде поднимающегося человека.

– Сержант О’Нилл, позвольте мне представить вам хозяйку той самой квартиры.

– Вы Элизабет Бертон? – не обращая внимания на слова женщины, осведомился жандарм.

– Совершенно верно. Вам удалось задержать того человека по горячим следам?

– К сожалению, нет. Но по описанию вашей соседки мы уже составили фоторобот преступника. Простите, я могу задать вам пару вопросов?

– Разумеется. Прошу вас, входите, – молвила девушка полицейскому, открывая входную дверь.

Затем она повернулась к пожилой женщине.

– Огромное спасибо, мадам Клишо! Вы в очередной раз выручили меня.

– Не стоит благодарить, моя дорогая, – ответила та, зардевшись.

В ответ Элизабет улыбнулась и помахала рукой на прощание.

– Я зайду к вам чуть попозже. Можно?

– Конечно, Бетти. Я буду ждать.

Мадемуазель Бертон закрыла за собой дверь и прошла в комнату, где ее уже ждал сержант.

– Какое счастье, что ваша соседка оказалась такой бдительной и любопытной, – констатировал он вошедшей девушке.

– Мадам Клишо вовсе не любопытна. Она никогда не лезет в чужие дела. Это милая и очаровательная женщина. Мы с нею очень дружны. Меня долго не было дома, и поэтому сейчас ей хотелось обо всем меня расспросить.

– Уезжали в отпуск? – исподволь оглядывая потерпевшую, полюбопытствовал ажан.

– Нет, работала.

– Скажите, пожалуйста, а вы не считаете, что сфера вашей деятельности как-то связана с попыткой взлома?

– Вы шутите? – Элизабет не поверила своим ушам.

– Во все нет. Зачастую именно профессиональная деятельность человека считается главной причиной в подобных ситуациях. Кстати, чем вы занимаетесь?

– По профессии я ветеринар. В настоящее время работаю в парке Туари.

– Ясно.

– Ну что, вы и теперь считаете, что моя профессия может кого-то заинтересовать?

– Собственно говоря, не думаю, но и исключать эту версию полностью нельзя. Возможно, на работе были какие-то конфликты с коллегами или проблемы с руководством... Вы упомянули о том, что долго отсутствовали дома.

– Да, именно.

– Что-то я не пойму, а почему ветеринар так много времени проводит на своем рабочем месте? Что-то тут не так. Слишком подозрительно, вам не кажется?

– У одной из моих воспитанниц были весьма тяжелые роды, и мне пришлось вместо нее выкармливать детеныша и при этом еще ухаживать за ней. Теперь понятно?

– Да, мадемуазель Бертон. Теперь все встало на свои места. Еще один вопрос. Вам о чем-нибудь говорит эта записка? – продолжил расспрос сержант О'Нилл, вытаскивая из кармана какой-то листок бумаги и протягивая его Элизабет.

Девушка взяла его в руки и прочитала несколько строчек. На небольшом квадратном листке бумаги размашистым почерком был написан ее адрес, а в самом верху, ровно посередине, в геометрической фигуре, напоминающей формой силуэт бриллианта, в разрезе красовались три заглавные буквы: «GSG».

– Так что, мадемуазель Бертон? – переспросил ее офицер.

– Здесь написан мой адрес, и вы сами это знаете.

– Да, конечно. Но, возможно, вам знаком почерк или название организации с такой аббревиатурой?

– Почерк мне незнаком. Но буквы... Буквы что-то напоминают, но сейчас я никак не могу вспомнить, что именно.

– Хорошо, – помедлил сержант, поднимаясь. – Если что-то вспомните, то позвоните по этому телефону. Спросите меня. Договорились?

– Вне всякого сомнения, сержант О'Нилл, я так и поступлю. Спасибо!

Остановившись в дверях, полицейский обернулся:

– Можно еще один вопрос, мадемуазель Бертон?

– Задавайте, сержант, я с радостью отвечу на него.

– Вы живете одна? Может быть, родители, родственники, друзья или кто-то еще?

– Мои родители давно умерли, брат работает в WCS – Обществе сохранения диких животных. Вот уже два года, как он трудится в Африке. А мой дядя, Генрих Дэвис Херрингтон, единственный оставшийся у меня родственник, проживает в Марселе. А друг... У друга есть своя квартира, и здесь он бывает крайне редко. Это все?

- Да, информация вполне исчерпывающая. Большое спасибо за содействие. До встречи!
- Всего доброго, – ответила девушка, закрывая за жандармом дверь.

«Ну и денек, – подумала она. – Это я планировала умиротворенно, без нервотрепки провести время. Можно сказать, мне это почти удалось, если не считать письма от Ричарда, визита незнакомца и беседы с жандармом. Но что незнакомцу со столь неприятным лицом было нужно в моей квартире? И почему он попытался проникнуть в нее именно сегодня? Простое совпадение? Или нет? "GSG", очевидно, какая-то организация... Черт! Никак не могу вспомнить. А главное, у меня такое чувство, что с этим названием я встречалась где-то, причем совсем недавно. Но где и когда, вот в чем вопрос?»

Девушка, пройдясь по очаровательной маленькой комнате, которая была и столовой, и гостиной одновременно, вновь села. Обладая превосходным вкусом, Элизабет постаралась превратить квартирку в уютное гнездышко, где собрала все, что было дорого ее сердцу. Привитая дядей с детства любовь к морю явно сказалась при оформлении квартиры: на стенах, обтянутых салатным шелком, висели морские пейзажи и сделанный в виде штурвала барометр; на полках и этажерках стояли всевозможные макеты кораблей (тайное увлечение капитана Херрингтона), диковинные ракушки и чучела рыб. Кроме того, Генрих Херрингтон всегда привозил экзотические вещи и фигурки из дальних плаваний, которые теперь, расставленные с большим вкусом и любовью, красовались в ее будуаре (как она любила шутливо называть свою гостиную). Все эти вещи, за долгое время их набралось немало, никоим образом не загромождали комнату, а, наоборот, приятно разнообразили интерьер.

Веселый золотистый лучик проник в комнату и, скользнув по ней, заиграл в белокурых волосах сидящей на диване девушки и посмотрел ей в лицо. Хозяйка квартиры зажмурилась. «Сколько сейчас времени? – подумала Элизабет и, поднявшись, подошла к висевшим на стене часам. – Уже пять. Несомненно, дядя должен был вернуться домой. Надобно срочно ему позвонить и рассказать обо всех событиях сегодняшнего дня». Сняв трубку, она набрала номер.

- Мадам Маркош, это опять я. Дядюшка дома?
- Да, и уже пообедал. Я сейчас передам ему трубку.
- Большое спасибо.
- Не за что, дитя мое. Целую тебя.

В воздухе повисла короткая пауза, после которой белокурая дева услышала знакомый голос.

– Алло? Алло, Бетти. Где ты, черт возьми, пропадала? Всего один звонок за месяц. По-видимому, придется опять браться за твое воспитание. Вот только приедешь и тогда сразу узнаешь, как воспитывают на флоте.

Зная характер бывшего морского волка, Элизабет нисколько не испугалась. Твердый и жесткий внешне, Генрих Херрингтон имел доброе и отходчивое сердце. Поэтому, пропустив мимо ушей угрозу и не ответив на возмущенные реплики капитана, девушка проронила:

- Видимо, мне придется на самом деле скоро приехать к тебе, дядя. Я нуждаюсь в совете и помощи.
- Что стряслось, Бетти? Это как-то связано с твоим долгим отсутствием?
- Нет, вовсе нет. Не беспокойтесь. Но сегодня утром я получила письмо от Ричарда.
- И как поживает наш мальчик?
- В общем-то, неплохо, за исключением некоторых обстоятельств.

И Элизабет рассказала дяде Генри обо всех утренних новостях, утаив разве что только неприятный разговор с Джорджем. Чем больше она говорила, тем больше мрачнел капитан Херрингтон. А когда племянница упомянула о взломщике и о визите жандарма, он прервал молчание и произнес:

– Значица так, Бет. Тебе нельзя оставаться одной ни на минуту. Письмо твоего брата и появление этого незнакомца тесно взаимосвязаны. Я уверен в том, о чем говорю. Поверь мне!

Вылетаю в Париж первым же рейсом. А ты, по возможности, сиди дома, это, во-первых. Во-вторых, позвони на работу и возьми двухнедельный отпуск... А лучше на месяц.

– Мне вряд ли его дадут, – перебила его девушка.

– А ты постарайся убедить начальство. В конце концов, ты заслужила отдых, так как в течение долгого времени в прямом смысле слова жила в парке... А в-третьих, ежели тебе что-то понадобится, позвони Джорджу. Пусть он тебе привезет все необходимое.

– Мы с Джорджем окончательно разошлись.

– Да? И когда ты все успеваешь?

– Не далее, как сегодня утром. Не дозвонившись до вас, я набрала его номер, поскольку мне хотелось немедленно с кем-нибудь обсудить сложившуюся ситуацию.

– И что ответил тебе этот субъект?

– Да так, ровным счетом ничего.

– Неужели? Зная твой покладистый характер и то, что ты постоянно защищаешь наглеца, могу предположить, что малыш Джордж порекомендовал какую-нибудь ерунду из-за полного отсутствия такта и мозгов.

– Ну, хорошо, хорошо, я расскажу... Да, Джордж стал дурно отзываться о Ричарде и насмеяться над ним. Я не могла спокойно слушать колкости в адрес родного человека. Всего лишь. А вы сразу...

– Дальше можешь не рассказывать. Я примерно знаю, что ты ему ответила. В нашем роду ум, честь, совесть и гордость всегда высоко ценились. Ты все правильно сделала, дитя мое. Не переживай!

– Знаю, но избавиться от чувства потери пока не удастся. Наверное, оно должно пройти со временем, как вы считаете?

– Конечно. Знаешь, что Жан-Жак Руссо изрек по этому поводу: «Когда мужчина берет себе жену ниже себя по званию, он не унижает себя, но возвышает свою супругу; и, наоборот, заключая брак с особой более высокого звания, он унижает ее и сам не возвышается». Джордж не достоин тебя, Бетти. И я рад, что ты это поняла. Наконец-то.

– Да, дядя, но сомнения...

– Со временем все сомнения развеются, словно утренний туман, дорогая. Верь мне.

Они замолчали. Элизабет думала о последних словах дяди, а тот в свою очередь составлял план действий, который в сложившейся ситуации был жизненно необходим. После недолгой паузы капитан Херрингтон вновь обратился к племяннице:

– Итак, Бет. Ты все поняла? Сиди дома и жди меня. У тебя есть, чем перекусить до моего приезда, или после месячного отсутствия дома в холодильнике остался лишь засохший кусок сыра?

– Нет, – невольно рассмеялась девушка. – От голода я не умру. Вчера по дороге домой я заскочила в магазин.

– Отлично. Завтра утром или, в крайнем случае, вечером я буду у тебя. До встречи, мое дитя. И, пожалуйста, будь осторожна. Никого не впускай в дом. Возможно, тот, кто интересуется тобой (или содержимым твоей квартиры, что в принципе одно и то же), может предпринять еще одну попытку. Но воистину я бы так не рисковал на их месте. В любом случае, дверь – на замок.

– Дядя Генри, не волнуйтесь, я все поняла. В конце концов, я уже не маленькая.

– Знаю, дорогая, но для меня ты навсегда останешься задорной девочкой с веснушками.

Еще раз повторюсь: дверь не открывать!

– Есть, сэр, – отчеканила девушка, невольно вытягиваясь в струнку.

– Вольно, матрос, – засмеялся капитан Херрингтон своим раскатистым басом. – Целую, Бетти.

– Я тебя тоже. Удачного полета!

Элизабет положила трубку. На душе хоть и ощущалась некоторая тревога, все же стало во много раз легче. Завтра придет дядя Генри, и они вместе решат образовавшуюся проблему. Генрих Дэвис Херрингтон обладал таким даром заражать своей уверенностью окружающих его людей, что племянница успокоилась, поверив, что ничего страшного не произошло, и через некоторое время они увидят Ричи здоровым и невредимым. Если бы она знала, какие зловещие и проверки на прочность подстерегают их на этом пути! Но это – в будущем. А сейчас молодая особа сидела на диване, поджав под себя ноги, и пыталась вспомнить, где и когда ей встречались те три злополучные буквы – «GSG». И вдруг внезапная мысль пронеслась в голове. Почему же она раньше не догадалась! Схватив сумку, мадемуазель Бертон вытащила письмо Ричарда. Пробежав его еще раз глазами, Элизабет вслух прочитала:

– Говард Мэйсон – Global Stone's Group.

Вот они – загадочные буквы «GSG»!

Глава 4

Часы пробили восемь раз. Мадемуазель Бертон вздрогнула и посмотрела на них. «Уже восемь часов. Боже, как же быстро пролетело время. И так, хватит сидеть сложа руки. Надо заняться делами. Но с чего начать? Прежде всего, надлежит взять отпуск. Шеф уже покинул офис, и мне придется звонить ему домой. Ох, лишь бы он отпустил меня».

Элизабет нашла нужный номер телефона в записной книжке и сняла трубку. Девушка крайне удивилась, услышав доброжелательный и приветливый голос босса. И это несмотря на то, что она побеспокоила его во внеслужебное время. А уж кому как ни ей было знать, что шеф не любил, когда его тревожили на отдыхе. Выслушав просьбу сотрудницы, он, подумав минутку, ответил:

– Мадемуазель Бертон, я совершенно не против того, чтобы вы отдохнули две-три недели. После такого длительного дежурства отдых просто необходим вам. Завтра вы можете подъехать в офис и написать заявление.

– Месье Жерар, простите, но проблема в том, что я не смогу подъехать завтра в офис. Могу ли я послать заявление по факсу, а потом, когда вернусь, привезти оригинал?

Ее начальник ответил не сразу.

– Я удивлен вашей просьбой, но извольте. Я предупрежу секретаря. Желаю вам хорошо отдохнуть. Куда, кстати, вы отправляетесь, если не секрет?

– Кения, а затем Танзания. Я давно хотела познакомиться с родственниками моей Мэри в их естественной среде обитания.

– А, сафари... Я понимаю вас. Несколько лет назад я тоже совершил такое головокружительное путешествие. Получил море удовольствия и массу впечатлений. По возвращении, надеюсь, мы с вами ими обменяемся. Желаю вам удачи!

– Конечно, месье Жерар. До свидания!

Элизабет была в приподнятом настроении. «Отлично, – подумала она. – Одной проблемой стало меньше. Я свободна две-три недели. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы уладить неприятности и найти брата. Так... Что теперь? Африка, Африка...» Очень жаль, что в последние годы они с Ричардом немного отдалились друг от друга. Занятия, встречи с друзьями, первая любовь... Об увлечении брата Африкой Бет узнала почти перед самым его отъездом. Она тогда очень расстроилась и сгоряча побросала все его вещи, записи и материалы, в большую коробку и выставила содержимое на балкон. Но, потом, после первого письма Ричи, в котором он объяснял свой выбор, поняла, что была неправа и признала свою ошибку. Ричард вырос и стал настоящим мужчиной, и где, как не в Африке, он мог бы проверить свои собственные силы? К тому же организация, в которой он работал, выполняла благородную миссию по сохранению вымирающих видов на нашей планете.

Втащив большую коробку в комнату, Элизабет распаковала ее. Здесь была собрана вся интересующая ее информация. Девушка начала вытаскивать содержимое и складывать на журнальный стол. Материалов было много: книги, статьи в журналах, проштудированных ее братом, фотографии, письма. На самом дне лежал толстый, полностью исписанный ежедневник. Открыв его, она прочитала следующую запись, сделанную рукой ее брата: «Царь Соломон и Шеба». Мадемуазель Бертон забралась с ногами в большое, удобное кресло и погрузилась в чтение записей, сделанных незадолго до отъезда Ричарда в далекую Африку.

«Много легенд, слухов и устных преданий ходят по миру. Одно из самых древних – это миф о великом царе Соломоне и таинственной царице Савской. Но не только царица Южная, но и сам Соломон – личности легендарные и загадочные, вызывающие на протяжении трех тысяч лет весьма противоречивые толки. И, несмотря на то, что написаны сотни книг, статей и снято бесчисленное количество фильмов, человечество ни на дюйм не приблизилось к разгадке

многочисленных тайн. Много лет я пытался разобраться, где истина, а где вымысел. Но это оказалось гораздо труднее, чем я предполагал вначале. Источники, к которым я обращался, часто противоречили друг другу. Единственное, что объединяет всех авторов – уверенность, что царь Соломон, сын Давида, был, бесспорно, выдающимся правителем и величайшим учителем мудрости. Его имя живо и по сей день и несет свет знания людям всего мира. Многие из его высказываний напоминают народные пословицы. Например: «Все дни несчастных печальны, а у кого на сердце весело, у того всегда пир». Одна из притч о мудрости Соломона, дарованной ему Богом, гласит:

К нему на суд явились две женщины с ребенком, и каждая говорила, что это ее сын. Соломон задумался, потом велел принести меч и сказал: «Рассеките живое дитя надвое и отдайте половину одной, половину другой». Одна из женщин согласилась: «Рубите. Пусть же не будет ни мне, ни тебе». А вторая воскликнула: «О, господин мой! Отдайте ей этого ребенка живого и не умерщвляйте его!» Тогда Соломон промолвил: «Вот настоящая мать», – и приказал отдать ребенка той женщине, которая была готова отказаться от прав на своего сына, лишь бы сохранить ему жизнь.

Мудрое правление Соломона привело не только к укреплению и процветанию государства, но также принесло благоденствие его народу. В истории он навсегда останется царем-созидателем. Он возводил новые города, развивал торговлю, создал даже свой флот. Кроме того, многие авторы приписывают Соломону значительное количество библейских текстов. Бытует мнение, что автором «Екклесиаста», в котором просматривается попытка подытожить и осмыслить свой жизненный путь, стал сам царь Соломон. Также его считают автором еще одной бессмертной книги: «Песнь песней». Несмотря на то что большинство исследователей утверждают, что она никак не связана с царем Соломоном, у них находятся оппоненты, утверждающие, будто бы в ней говорится о любви царя к простой девушке Суламифи.

Но если о царствовании царя Соломона существуют все же более или менее правдивые сведения, то о жизни царицы Савской и о государстве, которым она управляла, ходили и до сих пор ходят всевозможные легенды.

Билкис, Лилит, Альмака, Македа, царица Южная, царица Савская... В истории человечества трудно найти личность более знаменитую и одновременно более загадочную. Ее изображали на своих полотнах Рубенс, Рафаэль, Веронезе, Шагал. Ей посвящено множество стихов, о ней написано много научных статей и познавательных книг, снято немало фильмов. В Эфиопии (откуда она якобы родом) ее именем названа одна из высших государственных наград – Орден Царицы Савской. Ее имя известно приверженцам трех религий: христианства, мусульманства и иудаизма. Кстати, в Эфиопии царицу Южную считают прародительницей всех людей, так как связать воедино столь разные племена, населяющие эту страну, могли лишь таинственные силы, которыми якобы обладала эта женщина.

Так кто же она? Да и не миф ли само ее существование?

Сотни легенд и летописных рассказов народов Африки, Азии и Европы рассказывают о царице страны Сава. В легендах агады государство царицы Савской описывается как волшебная страна, где песок дороже золота, и где растут деревья из Эдемского сада. Жители этого чуда-государства не знают войн и лишений. А правит ею прекрасная, умная и богатая женщина. Более точные сведения о самой царице и ее народе содержит аксумское королевское издание: «Величие царей» (город Аксум с I по V век был столицей Эфиопского государства). Возможно, это одно из самых удивительных и интересных творений, когда-либо родившихся на Черном континенте».

Тут Элизабет заметила на полях приписку, сделанную рукой ее брата: «Обязательно прочесть до конца. Возможно, здесь я найду ответы на мучающий меня вопрос».

Дальше шло описание царицы, а также упоминание о визите удода, посланного царем Соломоном:

«Согласно ветхозаветному преданию, царица Савская, узнав о могуществе и славе Соломона, будучи весьма высокоинтеллектуальной и необычайно красивой женщиной, решила испытать его загадками... И прибыла она в Иерусалим, с тяжело нагруженным караваном, с верблюдами, везущими благовония и много золота, и драгоценных камней... И ответил ей Соломон на все вопросы... не было ничего, что бы он не смог сказать ей...»

Далее в дневнике Ричарда шло подробное описание первой встречи царствующих особ и дальнейшего пребывания царицы Южной в гостях у Соломона.

«И увидела царица Шебы всю мудрость Соломона... и молвила она царю: «Истинными оказались те слова, которые слышала я в своей стране, о словах твоих и о твоей мудрости. Счастливы люди твои, счастливы рабы твои, слушая мудрость твою». Царица Южная была настолько хороша собой и умна, что Соломон был так очарован ею и поражен ее величием, что с самой первой встречи не мог наглядеться на свою гостью. Но при этом он считал, что столь изысканная красота – признак дьявольщины. Соломон даже проверил, не козлиные ли у нее ноги. Но, несмотря на некоторый изъян ее внешности (по преданию, на ногах небесного создания густо росли волосы), царь Соломон влюбился в заморскую царицу. Некий немецкий ученый (если мне не изменяет память, Вайер) смог найти веские доказательства. Он в своих заметках говорит о некой картине, на которой мудрый Соломон склоняется перед царицей Савской. Так это было или не так, доказать сейчас, по прошествии стольких веков, невозможно. Единственное, что можно с уверенностью утверждать, так это то, что Соломон, несомненно, был покорен прекрасной гостьей, ведь он щедро одарил ее. «...И царь Соломон, – говорится в Ветхом Завете, – дал царице Шебы все, что она пожелала, помимо тех даров, что дал ей из руки царь Соломон...» Читая эти строки, я невольно подумал: «А почему дары царицы в Ветхом Завете перечислены досконально, в то время как о дарах Соломона подробно не рассказано? Что же мог он подарить царице? Почему об этом ничего не говорится? И главное, что же еще пожелала царица, помимо этих даров?» Увы, на эти вопросы, к сожалению, нет ответов... Пока нет. Но, возможно, когда-нибудь мне удастся сделать то, что никому до меня не удалось. А почему нет? Моя дорогая сестричка очень часто повторяет высказывание своего обожаемого Дидро: «Чудеса случаются там, где в них верят, и чем больше верят, тем чаще они случаются». Она права. Самое главное – нельзя забывать о вере. Итак, через три дня я отправлюсь в Африку, и кто знает, может быть, мне удастся найти ответ на то, что для всех сейчас непонятно. Ну, а если уж совсем повезет, то и отыскать связь между дарами Соломона и его таинственными копиями. Госпожа Удача, вперед!»

На этом записи заканчивались. Элизабет сидела в кресле в глубокой задумчивости. Невероятно! Судя по полученному письму, ее брату удалось все-таки напасть на след, и тайна Соломона и его возлюбленной, царицы Савской, вскоре будет разгадана. «Теперь становится понятно, почему Ричарду приходится скрываться. Это открытие – настоящая сенсация. И, конечно, тому американцу захотелось приложить к этому руку, в надежде заработать еще пару миллиардов долларов. Да... Удивительная история. Дядя Генри будет крайне поражен. Но это произойдет завтра... Сколько сейчас времени? Боже мой, уже почти час ночи! Немедленно спать. Надо набираться сил. Они мне еще понадобятся».

Закрыв ежедневник, девушка встала и подошла к окну. Элизабет распахнула его и, сделав глубокий вдох, закрыла глаза. Какой сегодня странный день. Еще утром, безмятежно лежа на кровати, простая сотрудница зоопарка составляла планы и радовалась тому, что наконец-то все ее тревоги остались позади, но письмо Ричи все изменило. Еще вчера ее познания, касающиеся царя Соломона и царицы Южной, были весьма скудны, а теперь их жизненные пути как бы пересеклись. Она словно стоит на перекрестке двух миров: прошлого и настоящего. И от правильности ее решения и разумности действий зависит, пойдет ли правильной дорогой, ведущей к отгадке тайны жития этих двух легендарных личностей, или свернет в тупик.

Молодая особа открыла глаза и посмотрела на улицу. Город медленно погружался в дрему. Одинокие прохожие, не спеша, наслаждаясь ночной прохладой, возвращались домой. Редкие машины с ревом проносились по пустынным улицам, и их гул постепенно замирал где-то вдали. Около фонарей порхали ночные бабочки и мотыльки. Безмятежность и покой...

Девушка отошла от окна и вернулась в кресло. Уже пора было идти спать, но беспокойные мысли никак не покидали ее встревоженный ум. «Брат, бедный брат. Где он сейчас? Что с ним? Кто рядом с ним: друзья или враги? Удастся ли им найти его целым и невредимым?». Элизабет тряхнула головой, отгоняя от себя невеселые думы. Нет, так нельзя.

– Пока человек дышит, – вслух произнесла она, стараясь успокоить саму себя, – у него еще есть надежда. Отчаяние – удел слабых. Я никому не позволю отнять эту надежду и встать у меня на пути. Ричи, не волнуйся и не отчаивайся. Я выстою. Я смогу все преодолеть, все трудности. Мы обязательно встретимся, так и знай!

Глава 5

Тревожный звонок и стук в дверь разбудили сотрудницу зоопарка. Набросив на себя пеньюар, девушка осторожно подкралась к двери и посмотрела в глазок. Вздох облегчения и одновременно разочарования невольно вырвался у нее из груди. Это был Джордж.

– Что тебе надо? – раздраженным голосом осведомилась Элизабет, открывая дверь.

– Может быть, для начала поздороваться и позволишь войти? – глухо заметил молодой человек.

Бет молча махнула рукой.

– Итак, теперь, когда ты уже вошел, надеюсь, ты объяснишь мне цель своего прихода? – повторила девушка, кутаясь в пеньюар.

– Да, конечно. Что у тебя случилось?

– Случилось? – удивленно приподняв брови, переспросила его бывшая возлюбленная. – Нет, это я должна у тебя узнать, на каком основании ты врываешься в мой дом в такую рань.

– В такую рань? Посмотри на часы. Уже половина двенадцатого.

– Ты серьезно? – несколько смутившись, опешила девушка, взглянув на часы, чтобы удостовериться в правдивости его слов. – Не может быть! Как же долго я спала.

– Прости, здесь побывали грабители? – с этими словами Джордж указал на разбросанные по полу и лежащие на журнальном столике книги, брошюры, вырезки из газет и журналы.

– Не твое дело, – огрызнулась Бет. – Зачем ты пришел? По-моему, мы вчера все обсудили.

– Все нет. Я пытался связаться с тобой весь вчерашний вечер и сегодняшнее утро.

– Не понимаю, правда, зачем? – перебила Элизабет.

– Хотел просто поговорить, – ответил молодой человек. – Но мобильный телефон выключен, на работе ответили, что ты с сегодняшнего дня в отпуске, к автоответчику ты не подходишь. Ты не хочешь разговаривать?

– Да. Причем ни с кем. У меня нет на это времени, в первую очередь потому, что я готовлюсь к отъезду.

– Ты все-таки решила ринуться на выручку своему братцу-идиоту, вечно втягивающему тебя в различные истории?

Глаза хрупкой на первый взгляд блондинки вспыхнули.

– Во-первых, он никогда не впутывал меня ни во что. Это плод твоего больного воображения. Просто ты всегда меня ревновал к моему брату, считая, что я уделяю ему гораздо больше внимания, нежели тебе. А во-вторых, я вообще не желаю обсуждать мою поездку ни с кем, включая тебя. И вообще, это не твое дело! Ты не член нашей семьи и неходишь в круг доверенных лиц.

– Да? И с каких это пор? – взорвался Джордж. – Послушай, Бет. Я не понимаю тебя. Когда я был тебе нужен, то все было по-другому.

– Нет, это ты послушай меня, Джордж, – сдержано, выговаривая каждое слово, проговорила Элизабет. – Это ты пользовался и прикрывался мною. И это ты воспользовался моими связями, устраиваясь на работу, и коли ты не продвинулся за три года по служебной лестнице, то лишь благодаря своей лени. Да, и, кстати, не забудь, кто заставил тебя устроиться на эту работу. Не будь меня, ты так бы и провалялся на своем диване всю жизнь, довольствуясь временными заработками. Поедем дальше или достаточно?

Джордж, потупив глаза, молчал и смотрел в пол. Однако по выражению его лица мадемуазель Бергон поняла, что попала в точку, задев самолюбие.

– Джордж, поговорим начистоту. Мне не нравится ни то, как ты относишься ко мне, ни то, как ты реагируешь на мою семью. В связи с этим мне будет трудно поддерживать в дальнейшем наши отношения.

– Если я и недолюбливаю твоего брата, то это вовсе не означает, что я не люблю тебя, – глухо заметил ее собеседник.

– Ну почему ты не можешь понять, что любовь – это не когда люди смотрят друг на друга, а когда они смотрят в одну сторону! Мы же с тобой совершенно разные люди. Ты ненавидишь и презираешь то, что люблю я. Скажи честно, ты хоть раз поддержал мои начинания или идеи? Нет. Зато очень часто их критиковал и высмеивал. Вот и сейчас, вместо того, чтобы помочь мне, ты поливаешь грязью человека, который, в принципе, не сделал тебе ничего плохого.

– Я лишь волнуюсь за тебя, – услышала она в ответ.

– Ах, какая забота!

– Да, забота. Но ты ведь такая возвышенная и утонченная натура, – язвительно проронил Джордж, – где уж мне понять тебя. Я реалист. Да, да. И не стыжусь этого. Я, возможно, чего-то не знаю или не понимаю, но зато реально оцениваю ситуацию, а не витаю в облаках, как некоторые. Ты вообще представляешь, куда ты направляешься?

– Ну, – растерявшись от неожиданного нападения со стороны молодого человека, неуверенно произнесла девушка, – я много смотрела передач об Африке, потом... читала... да и Ричард много рассказывал об этой стране в своих письмах и несколько раз по телефону.

– Ой, я сейчас умру от смеха! «Читала, смотрела, рассказывал», – передразнил ее Джордж. – Там холера, желтая лихорадка и малярия. Нищета, голод и дикие звери...

– Вот только о диких зверях и хищниках не надо мне ничего говорить. Если ты не забыл, то я работаю с ними с девяти до девяти, включая иногда выходные и праздники.

– Тамошние звери не живут в клетках.

– Но и мои питомцы, живущие в клетках, не ходят по команде, – перебила его девушка. – Все, хватит. И вообще, какое твое дело, куда я еду и зачем? Я уже приняла решение и мне не важно твое мнение.

– Получается, ты твердо решила угробить себя?

– Да, именно так.

– А твой дядя Генри?

– Он будет здесь с минуты на минуту.

– Надеюсь, что хотя бы он образумит тебя и отговорит от этой ненормальной затеи.

Элизабет вскочила. В ее темно-зеленых глазах заиграли искры, говорившие о том, что девушку охватила ярость. В эту минуту она очень походила на тигрицу, готовящуюся к прыжку. Но тут раздался звонок в дверь. Ничего не ответив, хозяйка квартиры твердыми шагами направилась в коридор. На пороге Бет увидела старого морского волка, лучезарно улыбающегося и одетого, как всегда, элегантно и изысканно.

– Хелло, Бетти. Что случилось? Почему ты такая взъерошенная? Наверное, совершенно не спала ночью. Я предупреждал: не надо так себя изводить. Вот, полюбуйся на результат своего своенравия.

– Дядя Генри, со мной все в порядке... Почти, – целуя его в обветренную и загорелую щеку, ответила девушка. – Не стойте в дверях, входите.

Войдя в комнату, Генрих Херрингтон увидел Джорджа, стоящего около окна.

– Привет, Джордж. Не ожидал тебя здесь встретить, – вопросительно взглянув на племянницу, проговорил он. – Как дела? Работа?

– Спасибо, капитан Херрингтон, все идет гладко. Собственно, без существенных взлетов, но и без стремительных падений.

– А-а-а, – протянул его собеседник, – понятно.

– Джордж уже собирался уходить, – пристально посмотрев на него, констатировала его бывшая возлюбленная. – Я не ошибаюсь?

– Да, да, само собой, – поспешно ответил Джордж, покраснев. – Я уже уйду. Дела, видите ли. Рад был вас повидать, капитан. До свидания, Элизабет. Надеюсь, тебе удастся все, что ты задумала. Желаю удачи и огромного счастья.

– Тебе того же, Джордж. Прощай!

Девушка закрыла дверь и повернулась к дяде, стоявшему в проеме комнатной двери.

– И что это было? – удивленно спросил он. – Я что-то пропустил?

– Да так, ничего особенного. Джордж не любит терпеть фиаско, особенно, что касается женского пола. Я задела его самолюбие, поэтому он так повел себя.

– А зачем он приходил? Мне показалось, вы с ним все выяснили? Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься. Мне тоже так казалось. Но, должно быть, Джордж решил иначе.

– Так он приезжал для того, чтобы поговорить о вашем совместном будущем и уговорить тебя начать все сначала?

– Вовсе нет. Он хотел отговорить меня от поездки в Африку, приводя при этом вескую, на его взгляд, аргументацию.

– У него не было ни малейшей возможности, – рассмеялся капитан Херрингтон. – Невзирая на то, что путешествие чревато различными трудностями и опасностями, зная твой упрямый характер, а главное, твое отношение к Ричи, мне и в голову не пришло попытаться отговаривать тебя от этой безумной затеи. Ты поедешь в Африку, даже если я лягу у порога.

– Ну, дядя, что вы такое говорите, – смущаясь, ответила девушка. – Ежели вы сделали бы это, то тогда поставили меня в весьма затруднительное положение.

– Не волнуйся, Бетти. В отличие от Джорджа, у меня достаточно ума, чтобы не сделать этого... Ладно, красавица. Оставим этого молодого человека в распоряжении ее величества Судьбы, а сами тем временем займемся нашими проблемами. Давай, рассказывай обо всем с самого начала, но теперь все в мельчайших подробностях.

Элизабет понадобилось больше часа, чтобы ввести отставного морского офицера в курс дела. На протяжении всего рассказа он не проронил ни слова, но с каждой минутой его лицо становилось все суровее и напряженнее. Закончив повествование, племянница замолчала. Капитан Херрингтон порывисто встал с кресла и, опустив голову и засунув руки в карманы брюк, стал мерить комнату шагами. Девушка следила за ним немигающими глазами. Наконец он остановился посередине и, повернувшись к племяннице, поинтересовался:

– У тебя есть какие-нибудь предположения, что могут означать эти буквы – «GSG»?

– Несомненно. Они встречаются в письме Рича. Вот, посмотрите, – и племянница указала ему на название корпорации того самого американца, о котором говорил ее брат.

– Т-а-ак, – медленно проговорил капитан Херрингтон. – Таким образом, им стало известно, что Ричард отправил тебе что-то. Но как? Неужели они сумели так быстро и легко напасть на след?

– Ты так думаешь? Считаешь, что брату не удалось перехитрить их, и его схватили? – побледнела Элизабет.

– Будем надеяться на другой, хороший исход нашего дела, – ответил Херрингтон, нахмурив брови.

Но, взглянув на опечаленное и встревоженное лицо племянницы, улыбнулся и похлопал ее по руке.

– Ну, Бетти, не волнуйся. Наш исследователь смелый и отважный мальчик, и его не так просто одурачить и заманить в ловушку. Скорее всего, эти люди, а точнее, этот человек из GSG предположил, что твой брат мог, а в его ситуации и неизбежно должен был, положиться на кого-то извне. Наверняка Говард Мэйсон навел справки о Ричарде и узнал, что, кроме тебя, близких родственников у него нет. Меня в расчет не приняли, хотя и непонятно, почему. Но, так или иначе, выбор пал на тебя. Поэтому босс и решил таким способом узнать, подтверждается его версия или нет. Ничего... Мы еще посмотрим, кто кого. Верно я говорю, а, Бетти?

Глаза девушки, на мгновение увлажнившиеся, высохли будто по мановению волшебного жезла, а в них появился блеск. Расправились плечи, она улыбнулась.

– Ну, вот. Теперь я узнаю мою девочку, неустрашимую и решительную Элизабет. Ту Элизабет, в чьих жилах течет кровь одного из самых талантливых исследователей, авантюристов и лингвистов, каким был сэра Ричард Бертон. Вы с братом чем-то похожи на него: такие же решительные и целеустремленные. Ну, а склонность к авантюрам и приключениям лишний раз подтверждает эту преемственность. Страх вам неведом.

– Дядя, дядя, остановитесь, – рассмеялась девушка, у которой стало немного легче на душе. – Ты совсем нас захвалишь!

– Да я и не собирался этого делать. Я всегда говорю лишь правду!

– Конечно, конечно. Только куда делся тот суровый, не улыбочивый человек, не терпящий пререканий, с которым мы познакомились семнадцать лет назад.

– Ваша с братом непосредственность и душевная теплота сразили меня наповал. Даже закаленный морской волк не смог устоять, – добродушным голосом произнес ее дядя. – А ты что, Бетти, хочешь, чтобы он вернулся?

– Нет, нет, нет, что вы. Само собой, я этого не хочу.

Когда капитан увидел раскрасневшееся лицо племянницы и ее озорную улыбку, он понял, что к ней вернулись привычное самообладание и боевой настрой.

«Молодец, девочка, держится. Раскисать нам ни в коем случае нельзя, – подумал Генрих Херрингтон. – Судя по рассказам Бетти и письму Ричарда, нам предстоит та еще заварушка. Ничего, прорвемся. Не из таких сложных ситуаций выпутывались. Пройдем и через это испытание. Главное – не расслабляться, не терять бдительности и не бояться. Страх рождается только бессилием духа. А дух у нас закаленный. И не будь я капитаном Генрихом Херрингтоном, если через месяц, самое позднее через два, в этой самой комнате не соберется вся наша семья».

О чем думала в эту секунду Элизабет, трудно было догадаться. Но по ее уверенному выражению лица, сжатым губам и кулакам можно было предположить, что они с дядей думали об одном и том же.

Молчание, длившееся несколько минут, первым прервал старый морской волк:

– Ладно, крошка. Не будем терять времени. Пора действовать смело и решительно.

Он открыл свой дорожный кейс и достал оттуда карту Черного континента. Пододвинув журнальный столик поближе, Генрих Херрингтон положил карту на него. Достав карандаш, линейку и секстант, он расположил их рядом. Прделав эти нехитрые манипуляции, капитан Херрингтон жестом пригласил племянницу присоединиться к нему. Они склонились над картой и принялись исследовать просторы, саванны и бескрайние пустыни Африки.

Глава 6

Яркий солнечный свет заливал кабинет главы корпорации «Global Stone's Group», находящийся на тридцать втором этаже одного из нью-йоркских небоскребов, откуда открывался изумительной вид. Было очень тихо. Ни малейшего звука, ни движения. Ничто не нарушало покоя и тишины вокруг главы компании Говарда Мэйсона. Он стоял около огромного окна и с полным безразличием взирал на город, главные улицы которого напоминали темные ущелья, глубоко врезынные между пиками домов.

Нью-Йорк – один из крупнейших мегаполисов мира. Он расположен в юго-восточной части штата Нью-Йорк, на берегу Атлантического океана, и разделен на пять районов. Причем Стойтен-Айленд – самый холмистый и просторный и наименее заселенный район города, в то время как Манхэттен, где собственно и находился офис компании GSG, – наоборот, густонаселен и земля здесь очень дорога. Именно этим объясняется такое огромное количество небоскребов в районе.

Город Желтого дьявола, Большое яблоко, столица мира, – вот названия этого города, несмотря на то, что он и не выступает в качестве официальной столицей своей страны. Город Нью-Йорк был основан в XVII веке. Тогда голландские переселенцы выкупили за смехотворную сумму (около двадцати четырех долларов) у индейцев, живших на этой территории, островок Манхэттен. В то время никто даже и предположить не мог, что милый сердцу островок превратится в город, кардинально отличающийся по своему ритму и стилю жизни от всех других городов мира. Здесь живут не только миллионеры, поэты, потомки самых аристократических семей, но и бездомные, безродные эмигранты, авантюристы, стекающиеся в этот город больших надежд и возможностей, мечтая об успехе. Они крутятся в безумном ритме, задаваемом этим городом, в этом аду, где работают чуть ли не по двадцать четыре часа в сутки, подгоняемые одним желанием: заработать как можно больше денег, чтобы навсегда вырваться из лап сумасшедшего города неограниченных возможностей.

Одним из таких людей был и Говард Мэйсон. Его родители приехали сюда тридцать лет назад. Тогда мальчику едва лишь исполнилось пять лет. Живя в нечеловеческих условиях и терпя лишения, его родители стремились вписаться в тот сложный механизм, в тот конвейер, который представлял, да и сейчас представляет собой город Нью-Йорк. Все его детство было похоже на крысиные бега. Родители всеми правдами и неправдами пытались узаконить свое хлипкое положение эмигрантов и получить права на американскую мечту. Отец и мать работали на износ: с самого утра до позднего вечера, без выходных и праздников, не брезгуя никакой работой. Говард все это время был предоставлен сам себе. Он рано повзрослел, поскольку все работы по дому легли на его хрупкие плечи. Из-за плохого знания языка и достаточно замкнутого характера дети считали его зазнайкой, а благодаря тяге к знаниям, в школе он сразу сделался изгоем. Его одноклассники, у которых в голове были одни сигареты и наркотики, дразнили мальчика и насмехались над ним. Такое отношение сверстников сделало Говарда еще более нелюдимым, а в его характере стали зарождаться жестокость, саркастичность и дерзость. А главное, укрепилась вера в то, что в мире господствуют не доброта и красота, а лишь деньги, и ничего, кроме денег. Вот каким был результат той американской мечты, к которой так стремились его родители.

Уже в школе Говард начал понимать, что для достижения заветной цели одних знаний недостаточно. Стало ясно, что умение ладить и общаться с нужными и полезными людьми дает основу успешной карьеры. Осознав это, он с головой ушел в изучение работ известных психиатров: Зигмунда Фрейда, Гордона Олпорта, Абрахама Маслоу...

К двадцати годам Говард Мэйсон из гадкого утенка превратился в очаровательного юношу. Высокий блондин спортивного телосложения с пронзительными светло-голубыми гла-

зами, он, бесспорно, притягивал к себе взоры. Но это были не более чем внешние изменения: мировоззрение Говарда сформировалось давно и осталось неизменным. Из-за отсутствия друзей еще с детства он со всем упорством, каким отличаются дети эмигрантов-работяг, погрузился в науку, и благодаря этому блестяще окончил школу, потом с хорошими рекомендациями поступил в самый престижный университет штата. Но и там ему не удалось обзавестись преданными друзьями: неуживчивый характер, закаленный годами одиночества, самодовольство и самоуверенность не позволили зародиться дружбе. Трудно было найти хотя бы одного человека, который хотел бы водить дружбу с подобным снобом. В сущности, со своими однокурсниками и другими людьми, которых он считал совершенно бесполезными для своей дальнейшей жизни и карьерного роста, он держался высокомерно и надменно. Порой его снисходительное отношение вызывало оторопь и неприязнь окружающих. Но какая же резкая перемена происходила в действиях, словах, а главное, в тоне Говарда, когда он общался с человеком, имеющим возможность как-то повлиять на его будущее. Тут он умело становился самой любезностью и совершенством и без особых усилий быстро и легко располагал к себе людей. Его можно сказать мягкие, по-кошачьи вкрадчивые манеры покоряли сердца, обворожительная улыбка молниеносно обезоруживала, а его начитанность и рассудительность позволяли ему легко найти общий язык с нужными людьми.

Через год учебы в университете он был уже на хорошем счету у преподавателей и ректора. Говарду пророчили большее будущее. Своими энциклопедическими знаниями и старанием он снискал любовь среди преподавателей и заработал жгучую ненависть среди студентов. Говарда не только презирали, но и побаивались. «Двуликий Янус» – так за глаза называла его студенческая молодежь...

Благодаря удачной женитьбе на дочери богатого человека Говарда Мэйсона заметили в высших кругах. Его тесть руководил большой корпорацией – General Stone's Group – и одновременно был одним из самых влиятельных людей своего штата. Одно время поговаривали о его больших амбициях и стремлении войти в конгресс, но внезапная кончина не дала осуществиться этой идее. Его скоропостижная смерть взбудоражила множество умов. Всем показалось странным, что пышущий здоровьем человек с далеко идущими планами умер в одно мгновение. Это все наводило на определенные мысли. Но громом среди ясного неба стало оглашение завещания покойного, измененного как раз накануне его смерти. По этому новому завещанию свое дело, почти все имущество и две трети недвижимости он оставлял своему зятю, Говарду Мэйсону. Надо ли говорить, кто стал первым подозреваемым в этом громком и нашумевшем процессе? К тому же в ходе следствия выяснилось, что молодой человек был едва ли не последним, кто видел покойного в живых. Но вовремя предъявленное алиби смогло отвести подозрения, которые уже почти переросли в уверенное обвинение. По прошествии времени страсти улеглись, пускай до сих пор никто так и не ответил на вопрос: почему накануне смерти покойный изменил свое завещание, лишив жену и дочь всего, что было нажито большим трудом, в пользу своего зятя? А главное, как умер этот человек? Для всех это навсегда осталось тайной. Так или иначе, но уже на следующий день после оглашения завещания Говард Мэйсон сидел в кресле главы компании. Предложенный им бизнес-план на последующие десять лет был единогласно принят советом директоров, что позволило новому хозяину полностью подчинить себе корпорацию. За эти пять лет влияние Говарда Мэйсона на совет стало настолько велико, что теперь решения, принимаемые им, больше не нуждались в одобрении. Умножив капитал в пятнадцать раз, он стал могущественным и влиятельным лицом, умеющим лихо манипулировать даже государственными мужами...

И вот сейчас, стоя в полнейшей тишине, этот бездушный и безразличный ко всему (кроме, конечно, денег) человек с равнодушным видом рассматривал удивительные виды самобытного города Нью-Йорка. И несмотря на то, что тело его находилось здесь, мысли витали далеко за пределами не только этого кабинета, но и континента. Африка. Жаркая и безжалост-

ная Африка. Сказочная и неповторимая Африка. Колыбель цивилизации человечества. Континент, скрывающий в своих недрах несметные сокровища и удивительные тайны. Именно об этих сокровищах и думал в настоящее время глава корпорации Global Stone's Group. Богатство и нажива, деньги и власть. И неважно, на какие жертвы придется пойти ради достижения цели.

Внезапно тишину кабинета нарушил голос его секретаря:

– Мистер Мэйсон, к вам Андрес Монти. Я сообщила ему, что вы заняты, но он настаивает.

– Хорошо, Кларисса. Пусть войдет. Дела могут немного подождать.

Говард Мэйсон подошел к столу и сел. Дверь открылась, и перед ним предстал человек весьма отвратительной внешности. Это был жгучий брюнет, коренастый и мускулистый. Нос с горбинкой и цепкие глаза делали его похожим на ястреба. Ни один человек, кроме Говарда Мэйсона, не мог вынести его взгляда. Неопрятная и неаккуратная одежда, всегда сидевшая на нем мешковато, вызывала у его босса брезгливое недоумение. И кабы не безусловные организаторские способности и умение сделать все и добиться невозможного даже тогда, когда ситуация, казалось бы, полностью вышла из-под контроля, ничто не сохранило бы ему должности руководителя службы безопасности и личной охраны.

– Слушаю вас, мистер Монти, – жестом приказав ему сесть, проговорил мистер Мэйсон. – Судя по всему, у вас есть для меня какие-то новости. Прошу вас, рассказывайте.

– Вы совершенно правы, господин Мэйсон. Менее часа назад мне позвонил мой корреспондент из Парижа.

Глаза Говарда Мэйсона блеснули сталью. Он сейчас походил на рысь, готовящуюся сделать быстрый и роковой прыжок на свою жертву.

– И что? Мои предположения подтвердились? Он вправду отослал документы своей сестре?

– Этого ни я, ни мой человек еще не выяснили. Обстоятельства были против нас.

– Обстоятельства? Я не понимаю вас. Я неделю назад задал вам конкретную задачу и жду от вас такого же конкретного результата. А вместо этого вы приходите ко мне и заявляете, что ничего не знаете. Не кажется ли вам, что такой разговор сейчас неуместен? – холодно произнес Говард Мэйсон, отчеканивая каждое слово.

По его лицу всегда было трудно что-либо определить, но слова, а главное, тон были куда более красноречивы и выразительны, чем приступ ярости, который характерен в подобных ситуациях для руководителей. Ледяные, проникающие в самую глубину души глаза, казалось, испепеляли человека, сидевшего напротив. Андрес Монти дрогнул и опустил глаза.

– Простите, господин Мэйсон, но обстоятельства... – он сделал попытку оправдаться.

– Мистер Монти, – отрезал начальник, не дав тому договорить, – давно ли вы заглядывали на биржу труда? По вашему озадаченному лицу вижу, что давно. Так вот, запомните хорошенько: вы встанете в очередь за получением пособия по безработице, если позволите себе еще хоть раз прийти ко мне с невыполненной работой. Я плачу вам достаточно денег плюс те, которые вы у меня время от времени воруете, приписывая лишние затраты...

– Но, сэр, – возразил Монти, – вы не правы...

– Прав, прав, – слегка улыбнувшись, благодушно ответил Говард Мэйсон. Теперь, казалось, сложившаяся ситуация его очень забавляет. – Я лично проверяю ваши счета. И знаю точно, что они не всегда соответствуют действительности. Пятьсот—шестьсот долларов еженедельно уходят в ваш карман.

Андрес Монти был раздавлен. Всплыла правда, которую он всеми силами пытался скрыть от начальника. Мужчина на самом деле тайно приписывал к счетам лишние расходы, поскольку давно уже приобрел славу азартного игрока, ибо по выходным дням он обычно почти до нуля спускал все в казино. Невзирая на то, что босс платил ему немалые деньги, их вечно не хватало.

Эти пусть и мелкие суммы, приписываемые к счетам, позволяли Андресу Монти доживать до следующей выплаты.

– Вы меня уволите? – внезапно охрипшим голосом спросил Монти, подняв голову и посмотрев на босса.

Говард Мэйсон встал и молча подошел к окну. Андрес Монти не сводил с него глаз. Гнетущая тишина повисла в кабинете, и это сильно действовало на нервы подчиненного. Сердце, бившееся быстро и сильно, в любую минуту готово было выпрыгнуть из трусливой груди этого человека. Но вот Говард Мэйсон повернулся и, посмотрев на затравленное лицо сидящего холодным насмешливым взором, продолжил разговор:

– Если я не сделал этого раньше, то и сейчас нет в этом необходимости. По крайней мере, до тех пор, ПОКА вы не решили задачу, поставленную перед вами. Так что ПОКА вы еще в нашей команде. Но останетесь ли вы в ней и в дальнейшем, зависит лишь от вас. Найдите документы и то, что ищет в Африке этот мальчишка, – и я прощу вам все ваши прегрешения. Потеряете и то, и другое, – биржа труда станет для вас вторым домом, так как я дам вам самые ужасные рекомендации, и тогда ни одна солидная компания не только не возьмет вас на работу, но и постарается держаться от вас подальше, словно от прокаженного. Это я вам обещаю.

– Господин Мэйсон, я даю вам слово, что с этой минуты я и на секунду не выпущу из вида его сестру, которая, безусловно, незамедлительно поедет на поиски своего исчезнувшего брата.

– Возможно, возможно. Тогда вам крепко повезет, и у вас будет возможность реабилитироваться в моих глазах.

– Безусловно, господин Мэйсон, именно так все и будет. Можете даже не беспокоиться.

– Беспокоиться, мой милый мистер Монти, нужно вам, – все так же безучастно, глядя на своего собеседника, язвительно заметил Мэйсон. – Карточные долги – это вещь серьезная. За это можно и головы лишиться.

Говард Мэйсон изрек это таким тоном, что у Андреса Монти по спине побежали мурашки, а на лбу выступил холодный пот.

– Я сделаю все, что вы скажете, – покорно произнес Монти, встав со стула. – Я буду держать вас в курсе дел.

– Хорошо, что мы наконец-то поняли друг друга. До свидания, мистер Монти.

Дойдя до двери, тот остановился. Немного замешкавшись, он обернулся.

– Что-то еще? – осведомился его босс.

– Да, господин Мэйсон... Спасибо за то, что вы дали мне еще одну возможность доказать вам свою преданность.

– Не за что. Надеюсь, я не обманусь в своих ожиданиях.

– Обещаю вам, что этого не произойдет. До встречи.

Глава 7

Яркое безжалостное солнце ослепило Элизабет Бертон и ее спутника, капитана Генриха Херрингтона. Они в нерешительности стояли у трапа самолета. Пассажирский авиалайнер местной авиакомпании переливался в золотых лучах стоящего в зените солнца. Теплый, влажный морской воздух, пьянящий и кружащий голову, напоминал о том, что Момбаса, куда прибыли наши путешественники, выступал в качестве не только одного из старейших городов Африки, но и был одним из богатейших портов эпохи великих географических открытий. Близость океана взволновала капитана дальнего плавания. У него сильно забилося сердце, а глаза загорелись лихорадочным огнем. Он жадно вдыхал такой привычный и любимый запах водорослей и соленых брызг. Элизабет невольно рассмеялась. Генрих Херрингтон вздрогнул и в растерянности посмотрел на свою племянницу.

– Бетти, что тебя так насмешило?

– Вы, дядя Генри.

– Я? И чем же, позволь спросить?

– Вашим видом. Глядя на вас, можно сразу сделать вывод, что вы – старый морской бродяга.

– Ну, не такой уж я и старый, моя дорогая, но в остальном ты права. По молодости я пару раз заходил в этот порт. В то время я еще не командовал своим «Стеллсом». Очень живописный город. Второго такого я больше не видел никогда. Он построен на острове и как бы привязан к земле двумя глубоководными гаванями. Не знаю как, жителям Момбасы удалось сохранить облик средневекового города, соединив европейские, арабские, персидские и, безусловно, африканские традиции... Эх, славное тогда было время. И вот сейчас снова этот запах, яркое солнце и знакомая обстановка напомнили мне о моей молодости.

– Понимаю. А потом, когда вы уже стали капитаном сухогруза, ни разу не причаливали к этим берегам?

– Увы, нет. Как-то не получалось, но мне все время хотелось хоть на один денек оказаться в этом мире: потрясающе чистый морской воздух, прекрасные многокилометровые пляжи, ослепительно белый песок и лазурные волны, уходящие до самого горизонта, гигантские баобабы и большое количество темно-зеленых пальм, склоняющихся над ласковым морем...

– В общем, подлинный рай для тех, кто ищет покоя и уединения, – прервала его Элизабет, зная по опыту о способности дяди часами рассказывать о любимом океане и о странах, в которых он побывал.

– Ты права, дитя мое, – ответил Херрингтон. – А если вспомнить еще и об удивительно мягком климате, то можно легко понять, почему Кения считается одной из самых популярных стран в Африке.

– Ричи много рассказывал мне об этой стране, но я так всегда была занята своей работой, что, к сожалению, не особенно хорошо запоминала его рассказы.

– Жаль, Бетти. Сейчас бы нам эти знания, ох, как пригодились.

– Согласна, но кто знал, что такая в высшей степени безобидная и мирная профессия, какую выбрал Ричард, приведет к таким последствиям.

– Ничего, ничего. Как-нибудь выпутаемся. Пойдем, Бетти. Не будем терять времени. Нам необходимо еще получить визу, заехать в банк и, желательно, где-нибудь перекусить. А до вылета в Найроби осталось пять часов.

Забрав свой багаж, они устремились в ту часть аэропорта, где находился отдел выдачи виз. В огромной комнате, вдоль стен которой длинными рядами стояло множество стульев, за массивным столом сидел чернокожий полицейский. Вид его был, с одной стороны, просто ошеломляющим, с другой – весьма комичным. Это был высокий, упитанный, даже, скорее,

толстый человек, весь увешанный оружием, с рацией и наручниками. «Не человек, а рождественская елка», – подумала Элизабет, взглянув на него. Оторвав голову от какого-то толстого, как и он сам, талмуда, он жестом пригласил стоявших у дверей людей подойти к столу. Приблизившись, молодая особа и ее дядя протянули свои паспорта.

– Насколько я понимаю, вам нужна виза? – откинувшись на спинку стула, произнес полицейский на ломаном английском языке.

Приезжие в знак согласия закивали головами. Элизабет, стараясь подавить улыбку, вызванную забавным видом ее собеседника, миролюбиво проговорила:

– Да, господин офицер. Вы совершенно правы. Нам очень нужна въездная виза. К сожалению, у нас не было времени оформить ее у себя на родине. Сообщение моего брата, работающего здесь, на территории Кении (вы, без сомнения, знаете про WCS), заставило нас бросить все дела во Франции, тотчас же собрать вещи и прилететь в вашу прекрасную страну.

Лицо офицера расплылось в довольной улыбке. Было видно, что последние слова, сказанные девушкой, пришлись по душе офицеру-патриоту.

– Вы впервые в Момбасе, мадемуазель... – он заглянул в паспорт прибывшей, – мадемуазель Бертон?

– К сожалению, я вообще впервые в Африке, несмотря на то, что уже два года работаю ветеринаром в зоопарке Туари в Париже и часто общаюсь с представителями вашей фауны. Но мой брат, живущий здесь уже более двух лет, очень много рассказывал мне о Кении. Изумительная и неповторимая страна, – проговорила Элизабет, стараясь выглядеть приветливой и милой, хотя на самом деле больше всего ей хотелось поскорее закончить эту процедуру и выйти из душного и пыльного помещения, чтобы приступить к поискам брата.

– Кстати, о вашем брате. Что с ним произошло и почему вам так срочно понадобилось приехать? – внезапно спросил офицер.

Не ожидавшая подобного вопроса девушка на мгновение растерялась.

– Видите ли, господин офицер, – ответил за свою племянницу капитан Херрингтон, – у Ричарда резко обострилось его давнее заболевание. Астма, понимаете ли. Везем ему необходимые лекарства и аппарат, без которого он не сможет нормально дышать.

– Да, да, – подхватила мадемуазель Бертон, быстро уловив ход дядиных мыслей, – Ричи давно им не пользовался, сказывается благоприятный климат. Мы уж думали, что он совсем вылечился. Но, к несчастью, два дня назад у него случился кризис, и местные врачи еле-еле смогли его спасти. Вот почему мы все бросили и примчались сюда.

– Понимаю, – красноречиво посмотрев на туристку, съязвил полицейский. – А где сейчас ваш брат, мадемуазель Бертон?

– В Найроби, господин офицер, – ответила девушка и осеклась, осознав, что своим ответом невольно вновь заинтересовала человека, сидевшего напротив.

– В Найроби? Тогда что вы делаете в Момбасе? Насколько мне известно, из Парижа туда летают прямые рейсы, – полюбопытствовал тот.

– У моего племянника здесь, в городе, остались кое-какие вещи, и он просил по мере возможности их привезти, – ответил Херрингтон и, достав из кармана двадцатидолларовую купюру, положил ее на свой паспорт. – Господин офицер, у нас всего несколько часов между самолетами. Через четыре часа мы должны сидеть в другом авиалайнере, улетающем в Найроби. Может быть, мы как-то ускорим процесс получения визы, при условии, естественно, что вы не против?

Чернокожий офицер, прищурился одним глазом, стал на свет просматривать купюру. Затем он понюхал ее и быстро ощупал пальцами. Убрав деньги в карман, он встал и медленно отошел от стола, заложив за спину руки.

– Это очень сложно, мистер Херрингтон, – неторопливо произнес он, растягивая каждое слово. – Учитывая политическую обстановку и возможность переворота, мы стараемся ограничить въезд в нашу страну иностранных граждан.

Капитан Херрингтон достал из кармана жилета еще одну бумажку и положил ее на то же место. Фокус с исчезновением купюры повторился с той же непринужденной ловкостью.

– К тому же, – продолжил офицер полиции, – медицинского сертификата о прививках против лихорадки и других инфекций у вас нет. Поэтому...

В тоже мгновение отставной моряк положил еще двадцать долларов на прежнее место.

– Поэтому, – пряча в карман очередную купюру, проронил офицер, – я вынужден вас предупредить о возможности заболеть этими болезнями и о том, что правительство Кении снимает с себя ответственность за ваше здоровье. И если вас это не пугает, то, – он подошел к столу, достал печать и с размаха ударил ею по паспорту капитана. Затем проделал ту же процедуру и с паспортом девушки, – я не могу отказать столь очаровательной молодой леди в ее желании помочь своему брату. Добро пожаловать в Кению, господа.

Он произнес эти слова с таким достоинством и гордостью, что наши путешественники, несмотря на комичный вид их собеседника, невольно залюбовались им.

– Мы можем идти? – задала вопрос белокурая дева, поднимаясь.

– Да, вот ваши паспорта, – ослепительно улыбнувшись, ответил полицейский, протягивая им их документы. – И желаю вам благополучного и скорейшего возвращения домой.

Элизабет и ее дядя недоуменно переглянулись.

– Что это значит? – с вызовом выпалила девушка, пристально поглядев на офицера полиции. – Что вы имели в виду? Существуют какие-то проблемы, о которых вы предпочли умолчать?

– Nakuna matata¹, мадемуазель, – невозмутимо ответил африканец. – Просто таким образом я хотел пожелать вам удачи.

– А-а-а, ну теперь ясно, – отозвался Херрингтон, поднимаясь. – До свидания... Пойдем, Бетти, нам нужно идти. Не будем отвлекать господина офицера. У него и без нас много работы.

Закрыв за собой дверь, мадемуазель Бертон и капитан Херрингтон облегченно вздохнули.

– Наконец-то, – проговорила девушка, остановившись, чтобы достать бутылку воды. – Мне показалось, что это никогда не закончится.

– Такого не бывает. Если есть начало, то должен быть и конец. Так было, так есть и так будет всегда, пока наша планета – Земля – будет совершать обороты вокруг Солнца. Это закон жизни.

– Не буду спорить, дядя. Ну что же, подведем промежуточный итог: итак, мы в Африке. Визу с трудом, но все же получили. У нас осталось около четырех часов до вылета. За это время нам надо успеть заехать в банк и вернуться в аэропорт. Надеюсь, никаких проблем не будет. Во всяком случае, постараемся не терять времени.

– Хорошо, Бетти, как скажешь. Вот только узнаем, можно ли сдать наш багаж в камеру хранения. Бродить с такими вещами по городу... Во-первых, это крайне неудобно, а во-вторых, может вызвать подозрение.

– Бродить и гулять боюсь, что не придется. А в остальном вы правы. Пошли?

Благополучно сдав багаж на хранение, дядя с племянницей вышли на площадь перед аэропортом. Остановившись, они огляделись.

– Ну, Бетти, – весело произнес капитан Херрингтон, – вот мы и в Африке. Добро пожаловать!

¹ Никаких проблем (суахили).

Глава 8

Момбаса – бывшая столица Кении – в настоящее время относится ко вторым по величине городом с полуторамилионным населением. Но великолепные пляжи, теплый и влажный умеренный климат сделали этот город первым и самым большим курортом на экваториальном побережье Индийского океана, настоящей туристической столицей.

История города длинна и весьма занимательна. Первое упоминание о нем встречается еще в XII веке нашей эры, тогда же была построена первая городская гавань. Этот период времени считают началом развития активных торговых отношений с этой частью Африки с внешним миром: Китаем, Индией, Персией и другими государствами Аравийского полуострова. На местных рынках в обмен на золото, благовония и слоновую кость предлагали шелк, керамику, мирру и знаменитые персидские и бухарские ковры. Впрочем, и сейчас любознательные туристы могут увидеть в гавани элегантные арабские суда – дхоу, которые уже много десятилетий бороздят просторы океана, совершая плаванье в Йемен и Персидский залив.

Момбаса – это город лабиринтов, где узкие улочки переплетаются между собой. Идя по вымощенным булыжниками улицам, Элизабет и капитан Херрингтон не переставали удивляться домам с причудливыми ставнями и резными балконами, которые, казалось, еще чуть-чуть, и обрушат свою мощь на головы многочисленных прохожих. Они с любопытством рассматривали непонятного вида, а потому таинственные дверные проемы, мечети (почти половина населения в городе – мусульмане) и синагоги.

Внезапно квартал окончился, и наши путешественники оказались на площади, где базарная суета была в самом разгаре. Шум голосов был настолько громким, что девушка и ее спутник какое-то время были ошеломлены увиденным. Уж очень был силен контраст между тишиной старого города и какофонией, царившей на базарной площади. Торговцы наперебой предлагали свой товар: всевозможные фрукты, благовония, экзотические специи, предметы быта, яркие ткани и многое другое. Зачастую между продавцом и покупателем возникали споры. Однако, покричав друг на друга несколько минут, они все же находили компромисс и расходились с чувством полной удовлетворенности: один из-за того, что ему удалось купить нужную вещь и сбить цену, а второй потому, что он все-таки сумел продать свой товар. Элизабет, никогда не видевшая подобного зрелища (блошинные рынки в Париже не в счет), с любопытством разглядывала снующих и кричащих людей. Разношерстная толпа, состоящая из людей различного вероисповедания, с разным цветом кожи и разными судьбами, собравшихся здесь на торговой площади, вызвала неподдельный интерес у девушки, которая на своем коротком веку так мало еще видела. Но Генрих Херрингтон, выдавший и не такое, не дал ей до конца насладиться этим зрелищем. Показав на часы, он предложил продолжить путь, пообещав на обратном пути обязательно сюда еще раз заглянуть.

Протиснувшись между торговыми рядами, они вышли на противоположную сторону площади. Еще раз взглянув на карту, Элизабет промолвила:

– По-моему, нам нужно идти туда, – она показала на безлюдный переулок.

Капитан Херрингтон с сомнением поглядел на племянницу, но, потом, внимательно изучив карту, согласился с ней.

– Ты права, дитя мое. Удивительно, но ты прекрасно ориентируешься в чужом городе. Кто бы мог подумать! Где ты этому научилась?

– У вас, дядя, – просто ответила девушка, с нежностью посмотрев на своего собеседника.

– У меня? – удивился тот. – Не помню, чтобы я тебя и Ричарда этому учил.

– Вы учили нас с Ричи читать карты и всякий раз повторяли, что всегда и везде надо быть внимательными и наблюдательными.

– Что верно, то верно. Но только, пожалуйста, не обижайся, а я всегда считал и считаю, что женщинам трудно до конца сконцентрироваться, и поэтому им не всегда удается делать правильные логические умозаключения.

Девушка весело рассмеялась.

– У, какой вы женоненавистник. Неудивительно, что вы живете один.

– Ты забыла о мадам Маркош, – перебил ее капитан Херрингтон.

– Да, да, я помню мадам Маркош, которая постоянно жалуется на ваше занудство.

– Ну, ладно... Хватит, Бетти, – смущенно проговорил ее спутник. – Не загоняй меня в угол...

– Понимаешь, Бетти, – после минутной паузы молвил ее дядя, – я так много времени проводил в море и так редко, особенно до того времени, как стал вашим опекуном, бывал на суше, что совершенно перестал понимать вас, женщин. А теперь, наверное, поздно. Нет семьи, и уже никогда не будет... Но, нет! Бесспорно, я совершенно не прав. У меня есть семья: у меня есть ты и Ричи. Вы – моя семья. Я всегда считал вас своими детьми, и моя жизнь с вашим появлением стала намного ярче и насыщеннее. Вы – самые дорогие и любимые люди на всем белом свете. И именно поэтому я и отправился в это рискованное путешествие. Единственное, в чем я был не прав, так это в том, что взял тебя с собой. Просто безумие – подвергать тебя тем опасностям, какие могут встретиться нам на пути. Но, реально оценив обстановку, я подумал, что ты и дня не просидишь в душном Париже и все равно приедешь сюда.

– И правильно сделали, – Элизабет подошла к дяде и нежно поцеловала его в щеку. – Если бы вы знали, как мы с Ричардом благодарны вам! После смерти родителей у нас, кроме вас, никого не осталось. И вы своей заботой и вниманием сделали все для того, чтобы мы не чувствовали себя ущемленными. И мы благодарны судьбе за то, что вы есть. Спасибо вам большое...

Глаза у Генриха Херрингтона наполнились слезами. Девушке захотелось его обнять, но он отвернулся от нее.

– Бетти, не надо. Я и так уже расклеился, словно старый, трухлявый пенек под весенним дождиком. В последнее время я вообще стал замечать за собой, что стал слишком сентиментальным. Наверное, старею... А вот и нужный нам банк... Да, точно. Именно о нем Ричард писал в своем письме.

Девушка посмотрела в ту сторону, куда указывал капитан Херрингтон, и увидела в здании массивную дверь с надписью над ней: Национальный банк Кении. Убрав карту в рюкзак, она вместе с дядей пошла к входу.

Войдя в небольшой офис отделения банка, они осмотрелись. Спартанская обстановка, ничего лишнего: стойки для клиентов, стенд с информацией о работе и услугах банка, банкомат, стоящий прямо около них, круглый стол, расположенный посередине зала и пара стульев. За стойками сидели два менеджера. Элизабет и Генрих Херрингтон обратились к ближайшему из них.

– Вы говорите по-английски или по-французски? – осведомился капитан Херрингтон сидящего перед ними мужчину.

– Да, сэр. Я бегло говорю по-английски и довольно-таки сносно по-французски, – ответил чернокожий сотрудник банка, лучезарно при этом улыбаясь. – Чем могу вам помочь?

– На мое имя в вашем отделении открыта ячейка. Мы бы хотели забрать ее содержимое и затем закрыть ее. Подскажите, каким манером можно это сделать?

– Нет ничего проще, сэр. Ваш паспорт, пожалуйста.

Генрих Херрингтон протянул ему свои документы. Менеджер с вежливой улыбкой на лице, которая стала визитной карточкой любой коммерческой структуры, взял паспорт и, заглянув в него, с любопытством уставился на своего собеседника.

– Какие-то проблемы? – озадачился Генрих Херрингтон.

Несмотря на внешние хладнокровие и невозмутимость капитана, Элизабет заметила, что дядя нервничает, пусть старается и не подавать вида.

– Нет, сэр. Все в полном порядке. У вас есть ключ от ячейки?

– Да, да, непременно, – с некоторой поспешностью проговорила девушка, вытаскивая из своей сумки и протягивая ключ, присланный ей братом.

Взглянув на него, менеджер жестом указал на дверь, которая находилась в противоположной стене офисного помещения.

– Вам следует пройти туда. Сейчас я позову охранника, и он проводит вас. Пожалуйста, подождите немного.

Негромко крикнув что-то непонятное человеку, который сидел рядом с дверью, менеджер обратился к стоявшей напротив него клиентке.

– Простите, мадемуазель, за любопытство. Это был ваш брат?

Вопрос чернокожего сотрудника банка был настолько неожиданным, что девушка невольно растерялась.

– Простите, я не понимаю, о чем идет речь, – ответила она, стараясь не смотреть в сторону менеджера.

– Я о том молодом человеке, который приходил сюда три недели назад.

– А-а-а... – протянула она, пытаясь подобрать правильные слова, – почему вы так решили?

– Вы с ним очень похожи, – простодушно заметил менеджер, улыбнувшись.

– Признаться, вы правы – это был мой брат, – подтвердила девушка, и от смущения легкий румянец залил ее щеки.

– Пожалуйста, когда вы его увидите, поблагодарите его еще раз за доброту.

– Я ничего не поняла, но обязательно передам ему ваши слова, лишь только его увижу.

– И еще, мадемуазель. Конечно, это не мое дело, но будьте осторожны, – голос менеджера банка перешел на шепот. – На следующий день после прихода вашего брата ко мне подошел какой-то мулат отвратительной наружности. Если не ошибаюсь, индус по национальности, но я не уверен. Так вот, он показал фотографию вашего брата и спросил, не видел ли я этого человека. Ваш брат был настолько добр и щедр по отношению ко мне, что у меня хватило мужества не сказать правду. Я не знаю, что лежит в этой ячейке, но уверен в том, что жизнь вашего брата в опасности, да и ваша тоже.

– К сожалению, это так. Именно поэтому мы здесь и приложим все усилия, чтобы его защитить. А что касается нас, то, по-моему, вы несколько преувеличиваете. Нас в городе никто не знает, не говоря уже о том, что ни одна живая душа не осведомлена о нашей поездке. Так что нам опасаться нечего.

– Я бы не был столь в этом уверен. Люди, которые разыскивают вашего брата, вряд ли настолько глупы, чтобы упустить из вида его ближайших родственников. Подумайте над моими словами, мадемуазель.

– Спасибо за совет и за помощь моему брату, – ответила Элизабет, протягивая молодому человеку пятидесятидолларовую купюру.

– Нет, мадемуазель, большое спасибо, но не надо. Они вам еще пригодятся, поверьте... А вот и охранник. Пожалуйста, следуйте за ним.

Поблагодарив честного человека еще раз, капитан Херрингтон и его племянница прошли в помещение, где вдоль стены тянулись стройными рядами железные ящики. Найдя нужную им ячейку, они открыли ее. Заглянув внутрь, они заметили хорошо запакованный сверток, в котором, судя по всему, лежали документы и фотографии, о которых писал Ричард, а под ним – его дневник в кожаном переплете. Элизабет передала сверток дяде, а затем потянулась за дневником своего брата. От волнения руки у нее слегка тряслись и ноги подкашивались. Полистав его, она начала:

– Это, несомненно, дневник Ричи. Он практически весь исписан. Ах, как бы мне хотелось поскорее начать читать его. Попытаться понять, что стоит за таинственным исчезновением моего брата, и почему его разыскивают те люди?

– Я очень понимаю твоё нетерпение, Бетти, но прежде взгляни сюда, – показал капитан Херрингтон на пакет, который он уже успел развернуть.

– Что здесь? – поинтересовалась девушка, машинально взяв из его рук несколько листов, и бегло их проглядывая.

– Если я правильно понимаю, то благодаря этим документам главу компании GSG, которая якобы занимается финансированием такого гуманного проекта, как создание единого охраняемого парка Африки, можно засадить за решетку лет этак на десять-двадцать. Потому что на самом деле компания ведет разработки новых месторождений алмазов и именно на тех самых охраняемых территориях, что считается грубым нарушением закона. Это разоблачение, безусловно, не так уж и страшно при наличии многочисленной команды адвокатов, но, по-видимому, здесь кроется еще какая-то тайна, поэтому ему так нужен Ричард. И наша задача – узнать ее.

– Почему вы так думаете? – удивилась девушка.

– Рассуди сама: компания морочит всем голову своими «благородными целями», а на самом деле занимается поисками месторождений золота и алмазов, и вдруг тут находится некто, кто узнает об этом.

– Золото и алмазы? – удивилась племянница. – Про африканские алмазы в ЮАР я слышала, но золото и алмазы в этих местах? По-моему, это утопия.

– Не веришь – посмотри сама, – ответил капитан Херрингтон, протягивая несколько снимков, которые он держал в руке.

На них были изображены чернокожие рабочие с белозубыми улыбками на лицах, держащие в своих запыленных руках необработанные камни, напоминающие золотые самородки. На других фотографиях Элизабет увидела столы, на которых лежали белые камешки различных размеров. Внимательно рассмотрев каждую фотографию, девушка задумалась.

– Насколько я понимаю, желтые бесформенные камни – это добытое на месте исследования золото, – проговорила она после минутной паузы, – а эти тусклые камешки – алмазы? Я не ошибаюсь, дядя Генри?

– Совершенно верно, Бетти, – отозвался тот, очнувшись от задумчивости. Потом он протянул своей племяннице еще один лист бумаги. – А это – сфотографированная карта, на которой показаны месторасположения рудников или зоны, где они должны будут появиться в ближайшем будущем. И большинство находится в самом центре будущего заповедника. Взгляни сюда и сама в этом убедишься.

Молодая особа взяла протянутую карту, на которой была изображена вся восточная часть Африканского континента. Белыми и желтыми флажками были отмечены места предстоящих исследований и разработок месторождений. Капитан Херрингтон оказался прав: большинство из них находилось в ареале обитания охраняемого животного мира этой части Африки.

– Хорошо, – недоуменно произнесла Элизабет, возвращая снимки дяде, – Ричарду удалось каким-то образом узнать о планах компании и украсть под самым их носом документы в качестве доказательства. Они боятся разоблачения, впрочем, максимум, что им грозит – это высылка из страны, потеря некоторой прибыли и уплата штрафа. Тем не менее наемники продолжают за ним гоняться по всей Африке и даже попытались вломиться в мой дом. Кстати, дядя, очень странно, что после нашего приземления за нами так и не установили слежку. Не может быть, чтобы они пустили ситуацию на самотек.

– Возможно, мы просто не заметили их присутствия. Они только следят за нашими действиями, и поэтому пока ничего не предпринимают. Вот почему я и считаю, что нам следует

поторопиться и отправиться в Найроби. Там, по крайней мере, у Ричарда есть друг, который сможет нам помочь.

– Хорошо бы, коли это было так... Но, дядя Генри, тогда я вообще ничего не понимаю!

– Чего ты не понимаешь, Бетти?

– Причем тут тогда царица Савская и Соломон? Почему Ричи требовал хранить его дневник как зеницу ока? Его работодателю нужны документы, а не личные записи его сотрудника.

– На этот вопрос могут ответить лишь записи Ричарда... Впрочем, взгляни на карту, – капитан Херрингтон протянул ей еще раз ту карту, на которой были изображены флажки. – Посмотри на эти флажки. Большинство из них нарисованы в той части, где планируется расположить национальный парк Африки, то есть в Танзании, на юге Кении, Замбии. Все флажки белого или желтого цветов. Видишь? И только один флажок, существенно отличающийся от других, находится в Зимбабве. Кстати, если мне не изменяет зрение, то под ним есть какая-то подпись. Ты не можешь разглядеть, что там написано?

Девушка, взяв в руки лист бумаги, присмотрелась. Но запись была настолько мелкой, что рассмотреть ее невооруженным глазом оказалось непосильной задачей.

– Понадобится лупа, дядя Генри, – ответила племянница, возвращая лист. – Интересно, а почему он красного цвета и, главное, форма его совсем не похожа на форму остальных?

– Не знаю, – ответил тот, задумчиво теребя подбородок, – пожалуй, когда нам удастся прочитать то, что под флажком написано, мы получим ответ на этот вопрос. А может, это только добавит неизвестности. Единственное, что можно с уверенностью сказать, так это то, что белые флажки обозначают месторождения алмазов, а желтыми отмечены те места, где были найдены золотые самородки. Но для меня загадкой остается красный флажок. Что он может обозначать?

– Может быть, им удалось отыскать месторождение каких-нибудь других драгоценных металлов или камней?

– М-м-м, – качнул головой капитан Херрингтон, – что-то тут не так. Камни, говоришь? Какие ты знаешь драгоценные камни красного цвета?

– Гранат, – не задумываясь, ответила девушка, – и...

– ...рубин, – подсказал дядя.

– Да, да, гранат и рубин, точно. Но если наша догадка верна, то какими судьбами они здесь оказались?

– Ты считаешь, что мы можем быть правы? – спросил ее Генрих Дэвис Херрингтон.

Элизабет находилась в недоумении.

– Не знаю, но знаю точно, что здесь творится что-то неладное. И нам надо немедленно начать поиски Ричарда, чтобы как можно быстрее пролить свет на эту тайну.

Девушка посмотрела на часы. Они показывали без четверти шесть.

– Нам уже пора идти. Через полтора часа вылет в Найроби, а нам еще необходимо выбраться из этих джунглей и без приключений добраться до аэропорта.

– Ты права, Бетти. Забирай дневник брата себе, а я уложу все эти документы к себе в сумку, – произнес капитан Херрингтон, открывая свою дорожную сумку. – И давай договоримся: ни на шаг друг от друга не отходим. С этой минуты это небезопасно.

– Теперь я начинаю понимать, что тот взломщик, которого спугнула мадам Клишо, оказался возле моей двери не случайно, как мне раньше казалось. Они потеряли след Ричи и предприняли попытку исправить свою оплошность. Боже мой, у меня такое ощущение, что с того самого дня, как я получила письмо от брата, прошла целая вечность. Вы думаете, они наблюдают за нами?

– Весьма логично, – ответил отставной морской офицер, направляясь к двери. – На протяжении всего пути, начиная от самого твоего дома, вплоть до этого самого места, я зорко

смотрел по сторонам и постоянно оглядывался. Насколько я могу судить, все было чисто, но пару раз мне все-таки показалось, что на нас пристально смотрят.

– И? – обеспокоилась молодая особа.

– Одно из двух: либо это было простое любопытство, потому как ты весьма и весьма привлекательная девушка...

– Ой, да ладно, дядя Генри, что вы такое говорите... – смутилась племянница, краснея от корней волос до самого кончика носа.

– Это не лесть, дитя мое. Что есть, то есть. Твоя мать (моя сестра) очень гордилась бы тобой. Она произвела на белый свет самое очаровательное существо, какое мне приходилось когда-либо встречать на своем пути, а ты знаешь, как много я избороздил просторов... Так вот, я продолжу... либо люди, которые за нами наблюдают, весьма изобретательны и искусны. Во всяком случае, не стоит тут надолго задерживаться. Мы и так потеряли уйму времени. Бери свои вещи и пойдем.

Они вышли из помещения, где находились банковские ячейки и, подойдя к стойке, за которой сидел уже знакомый им менеджер банка, отдали ему ключ.

– Nakuna matata? – вежливо уточнил тот, убирая ключ на место.

– Да, все прекрасно, – ответила девушка. – Еще раз большое спасибо, месье.

– Удачной дороги вам и вашему спутнику, мадемуазель. Пусть всемогущий Бог охраняет вас в пути.

– Спасибо. Я никогда не забуду вашу доброту, – с нежностью в голосе произнесла Элизабет, с искренним чувством пожимая протянутую ей руку.

– Пойдем, Бетти, пойдем, – поторопил ее дядя Генри. – Самолет не станет нас ждать.

– До свидания, – широко и дружелюбно улыбнулся менеджер и помахал им на прощание рукой.

Глава 9

Только сев в самолет, Элизабет Бертон смогла по-настоящему расслабиться, несмотря на то, что перелет на самолете местной авиакомпании и внушал опасения. Но разгуливать по Момбасе с документами и знать, что кто-то попытается завладеть ими, даже для такой бесстрашной девушки оказалось нелегко в психологическом плане. Ее дядя, капитан Херрингтон разделял ее опасения. Но когда они благополучно добрались до здания аэропорта, да еще и успели до отлета перекусить, оптимизм и вера в благополучный исход дела вновь поселились в их сердцах.

Открыв рюкзак, бесстрашная блондинка достала дневник брата и раскрыла его. Ричард всегда отличался аккуратностью, которая не особенно свойственна мальчикам. С детских лет он был первым в классе по чистописанию, и учителя всегда ставили в пример его каллиграфический почерк. Кроме того, изложение исследователя всегда отличалось литературным слогом, поэтому с первых слов девушка с головой ушла в повествование, написанное ее братом; в историю, которой было уже ни много ни мало три тысячи лет.

«Африканцы говорят, что Бог создал человека, потому что любил слушать сказки. Существует много мифов, легенд, саг и сказаний. Из уст в уста они передаются и по сей день. Но лишь здесь, находясь на Черном континенте, я до конца осознал, как много они значат для людей и важны для жителей этих земель. С самого детства меня, а так же многих девчонок и мальчишек, увлекали рассказы о дальних странах, путешествиях, открытиях, пиратах и зарытых сокровищах и так далее, и вот однажды мне попался том с рассказами известного писателя Хаггарда. Среди этих рассказов был и рассказ «Копи царя Соломона». Меня так захватил этот сюжет, что даже по прошествии времени стремление докопаться до истины не только не ослабело, а даже, наоборот, усилилось. Желание узнать правду полностью поглотило меня. Я протудировал невероятное количество литературы, книг и документов, стараясь прочитать между строчками то, что не удалось увидеть еще ни одному исследователю. Но летописи молчали, бережно храня свои тайны. Поэтому я принял решение отправиться туда, где я мог бы вплотную приблизиться к разгадке этой истории. Не посоветовавшись ни с кем, за что прошу прощения у Бетти и дяди Генри, я при первой возможности уехал сюда, в Африку, в одно из самых живописных мест на земле. Ведь Африканский континент славится своей самобытностью и оригинальной культурой, корни которой уходят в века. По роду своей деятельности я объездил много городов, деревень и краалей. Я много беседовал с людьми. Много узнал об их быте и древних традициях, о культуре и истории. И чем больше я узнавал, тем ярче передо мной вырисовывался тот персонаж, благодаря которому я и оказался на этой земле. Царица Савская... О ее красоте до сих пор ходят легенды. Но это была не только прекрасная из прекраснейших женщин. Она была еще и великим и мудрым правителем. В легендах агады государство царицы Савской описывается как волшебная страна, где песок дороже золота, воздух наполнен благоуханьем и ароматами, повсюду растут роскошные деревья из Эдемского сада, а люди не знают войн и голода. Согласно Корану, в древние времена Бог сделал эту страну избранной. «Ешьте пищу, которую дарует вам Аллах, и славьте его, ибо он дал вам эту прекрасную и богатую землю». И царица Савская, по сути, сделала все, чтобы превратить эту землю в рай.

Белкис, Лилит, Альмака, Македа, царица Южная, царица Савская – как только не называли эту женщину. Ни в одном из преданий, существующих на Земле, нельзя найти личность более темную и загадочную. За три тысячи лет Она превратилась в сказочный персонаж: многие даже представляют ее белой женщиной небывалой красоты. Однако для африканцев легендарная царица остается чернокожей и весьма властной. Для аравийцев Она наполовину жен-

щина, наполовину демон. Согласно многочисленным легендам, царица Савская была не просто женщиной, а олицетворением и воплощением целого мира.

Впервые о ней упоминается в Библии. Согласно ветхозаветному преданию, царица Савская, услышав о славе царя Соломона, пришла испытать его загадками.

«...И была царица Савская прекрасна и мудра, а на мантии ее блистало семь звезд. Она вступила в Иерусалим во главе великолепного каравана верблюдов, отягощенного драгоценными камнями, золотом, слоновыми бивнями и благовониями... Такого в Иерусалиме не видели ни прежде, ни после...»

Элизабет оторвалась от записей и, откинувшись на спинку кресла, закрыла глаза. В ее голове зазвучала неведомая ей доселе музыка. Перед глазами появились бескрайние, раскаленные под полуденным солнцем пески пустыни, по которой двигался гигантский караван, состоящий из тысячи людей и множества верблюдов. Во главе каравана в роскошном паланкине, укутавшись в великолепные шелка, сотканые самыми искусными мастерицами, восседала сама царица Савская. Девушка настолько отчетливо это увидела, что, казалось, она на какой-то миг перенеслась на несколько тысяч лет назад. Бет открыла глаза. Мираж в одно мгновение рассеялся.

Генрих Херрингтон взглянул на свою племянницу и полюбопытствовал:

– Нашла что-нибудь интересное?

– Да, дядя Генри. Я теперь знаю, почему Ричард отверг все перспективные предложения и не остался во Франции, а уехал в неизвестность.

– Я полагаю, какая-нибудь красotka вскружила ему голову?

– И да, и нет.

– Не понимаю, Бетти, что ты имеешь в виду?

– Его красавица – эта царица Савская, одна из самых загадочных женщин, когда-либо существовавших на земле.

– В молодости я читал о ней и царе Соломоне. Но это было так давно, что я уже почти ничего не помню... Да... Много воды утекло с тех пор.

– Тогда я вам немного почитаю, если не возражаете. Нам лететь еще примерно с полчаса, и за это время, я думаю, записи Ричи освежат те знания, которые вы получили много лет назад.

– С превеликим удовольствием послушаю тебя, дитя мое, – добродушно улыбаясь, ответил капитан Херрингтон.

Элизабет вновь открыла дневник и, усевшись поудобнее в потрепанном кресле самолета, негромко начала читать:

«...В главе десятой Третьей Книги Царств, среди описания мудрости и богатств царя Соломона, говорится о его встрече с царицей Савской (царицей Шебы)...

...Царь Соломон повелевал джиннами и духами, и он умел говорить с птицами. Однажды, когда он летел по небу на ковре из шелка, вокруг его головы закружилась стайка птиц. Он в ней не заметил своего любимого чибиса... (во многих других преданиях это был удод) «Где ты был?» – спросил он его, когда тот вернулся. «Я прилетел из страны царицы Савской, – отвечал тот. – А теперь слушай меня. Я говорю правду. Я видел там женщину, которая правила народом. Она наделена всеми добродетелями. Ее царство процветает, но ее подданные не поклоняются Богу, так как они поклоняются Солнцу и Луне». Царь Соломон захотел узнать, правду ли говорит чибис или нет, поэтому и послал его с письмом к царице. Она, услышав о славе и мудрости Соломона, пришла испытать его загадками... Царица Савская была поражена мудростью царя Соломона. "Верно то, что я слышала в земле своей о делах и мудрости твоей. Но я не верила словам, доколе не пришла и не увидели глаза мои. И вот, мне и вполнину не сказано; мудрости и богатства у тебя больше, нежели как я слышала. Блаженны люди твои и блаженны слуги твои, которые слышат мудрость твою! Да будь благословлен Господь Бог твой за то, что поставил тебя царем – творить суд и правду"...»

Элизабет оторвалась от чтения и, взяв в руки бутылку с минеральной водой, сделала несколько глотков. Генрих Херрингтон, сидевший во время чтения молча и неподвижно, наконец нарушил паузу:

– Теперь я точно припоминаю эту историю. Мне ее рассказывали в Кейптауне, когда наше судно совершило вынужденный заход в этот порт, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды. Но мне тогда это показалось выдумкой, просто желанием заработать несколько сот долларов на таких простачках, как мы.

– Возможно, подобные истории впоследствии и становятся мифами и легендами. Они переходят из уст в уста и спустя столетия обрастают какими-то новыми подробностями. К сожалению, на многие вопросы уже не суждено найти ответов, ведь нет прямых доказательств реальности происходившего.

– И это меня больше всего удивляет, – перебил ее Генрих Херрингтон.

– Что именно? – спросила девушка, не понимая, о чем идет речь.

– Удивляет то, что такой здравомыслящий человек, как Ричард, мог увлечься подобными вещами. Он, насколько я знаю, никогда не был романтиком или мечтателем. Но его записи, его горячее желание найти то, чего вообще могло и не существовать, приводит меня в замешательство. А главное, еще я не могу никак понять, почему он так волновался за свой дневник. Пока я не вижу ничего, что могло бы так сильно заинтересовать главу компании GSG.

– Подождите, это еще не конец, – остановила его Элизабет. – Возможно, дальнейшие записи и помогут нам пролить свет на интересующий вас вопрос.

Девушка полистала дневник, пробегая глазами исписанные листы, пытаясь найти то, что могло бы хоть как-то объяснить просьбу ее брата. Но, увы, пока не было ничего, что подсказало бы ей правильный ответ. Перевернув очередную страницу и прочитав несколько строк, мадемуазель Бергон остановилась.

– Вот, послушайте, – обратилась она к своему спутнику.

«...И подарила гостя царю сто двадцать талантов золота, благовоний и драгоценных камней... великое множество красного дерева... И царь Соломон дал царице все, чего та пожелала и чего просила сверх того, что подарил ей царь Соломон своими руками. И отправилась она обратно в свою землю и все слуги ее...»

Вот такой рассказ об интересующих меня персонажах нашел я в библейской Книге Царств. Более подробная информация содержится в еврейских преданиях. Там подробно описываются те самые загадки, которыми царица Савская испытывала мудрость Соломона. Но, по приезде в Африку, я услышал еще одну версию тех давних событий. Согласно эфиопской легенде, Соломон, чей гарем насчитывал не одну дюжину прекрасных женщин, воспылал страстью к заморской гостье. И именно поэтому, как говорится и в еврейских преданиях, и в Библии, он и одарил ее всевозможными подарками, стараясь всячески задобрить красавицу. Ведь для него она была самой прекрасной, желанной и величественной женщиной. По эфиопской легенде, возвратясь на родную землю, царица Савская родила сына, названного Менеликом, что означало – «Сын мудрого». И суждено ему было стать первым царем Эфиопии, быть родоначальником эфиопских царей. По крайней мере, так говорится в эфиопской легенде.

Во всех этих историях первоначально нет ничего необычного. И, может статься, что многие поколения людей помнят эту историю из-за ее невероятной художественной силы и жизненной правдивости. Но одна нестыковка заставила меня глубже вникнуть во взаимоотношения между Соломоном и царицей Савской. Фраза, написанная в Библии и передаваемая из уст в уста, не давала мне спать сном праведника:

«...И царь Соломон дал царице Шебы все, что она пожелала, помимо того, что дал ей из рук царя Соломона»...

Что же именно дал ей царь Соломон? И почему дары царицы так подробно описываются во всех притчах, а дары Соломона – нет? Почему история об этом умалчивает? Изучив раз-

личные источники, я так и не нашел ответа на этот вопрос. Единственное, что мне удалось найти, так это еще одно подтверждение чувств, завладевших царем, в эфиопской легенде:

"...Соломон, глядя вслед уходящему каравану, почувствовал, что готов расстаться со всей своей мудростью, лишь бы иметь подле себя эту прекрасную и загадочную женщину..."

Блуждая по просторам Африки и расспрашивая разных людей о том, что им известно об этой легенде, я наконец услышал нечто такое, что очень меня заинтересовало...»

Элизабет замолчала, переводя дыхание. От волнения, охватившего ее, горло словно сковало, и слова застревали в нем.

– Ты устала, Бетти? – осведомился бывший капитан, посмотрев на побледневшую племянницу. – Хочешь, я сам дальше продолжу?

– Нет, нет, – поспешно ответила девушка, проведя рукой по лбу. Увидев его встревоженный взгляд, она слабо улыбнулась. – Просто... Просто здесь немного душно... Уже все в порядке, дядя Генри. Не стоит волноваться.

«...Когда царица Савская вернулась в свое родное государство, то привезла два особенных подарка: первый – перстень, подаренный самим Соломоном, но второй был для нее не менее дорог, чем первый...

К сожалению, мне так и не удалось узнать, что же это был за подарок. В разных вариантах местных преданий ответы на этот вопрос разнятся. Некоторые уверены, что вторым подарком мог быть назван ребенок, родившийся у царицы Савской по возвращении из Иерусалима, но в других источниках говорится, что это было сердце самого царя. Есть также предположение, что Соломон в знак своей преданности подарил ей те самые копи, о которых ходит столько легенд. Мои исследования могли бы на этом и закончиться, если бы три месяца назад, по распоряжению мистера Мэйсона, меня не занесло в Зимбабве. У местных племен мне удалось узнать о странном городе, который находится на востоке страны – это Великое Зимбабве. По местному преданию, раньше этот город принадлежал самой царице Савской, невзирая на то, что результаты ряда исследований, произведенных после обнаружения этого города, не подтвердили эту информацию. Естественно, я был изумлен и не верил услышанному от старейшин племени ндебеле: что царица Савская могла делать в этой части Африки? Поездив некоторое время по стране, я сумел по крупинкам собрать воедино ту информацию, которую, вероятно, никто до меня не раскопал. Но не буду голословно этого утверждать. Возможно, что-то и было известно, но сейчас я не могу проверить ту информацию. Так вот, я продолжу.

...Согласно рассказам, этот город в самом деле принадлежал царице Савской (или был построен ею – тут у каждой народности своя трактовка) после возвращения из далеких земель. Он тщательно охранялся двадцатью тремя стражниками из года в год. Посещать его могла лишь сама царица и никто более. Никто под страхом мучительной казни не мог, кроме этих стражников, находиться там. Так было во времена правления царицы, так осталось и после ее смерти. Но после прихода туда чужестранцев все изменилось. Силой они пытались вырвать секрет города у его хранителей, но уста тех были безмолвны. Со смертью последнего стражника умер и секрет, который и по сей день хранит Великое Зимбабве... Кто эти "чужестранцы"? Я так и не смог найти ответа на этот вопрос. Но я обязательно доберусь до разгадки этой тайны, даже если на это уйдет вся моя жизнь. Я смогу, и я сделаю это!...»

Элизабет закрыла дневник. Ее глаза, не мигая, смотрели на медленно угасающее солнце. Багряный закат окрасил еще совсем недавно белоснежные облака розово-золотистым цветом. После праведных трудов усталое солнце уступало свое место на небосклоне ее величеству ночи. Самолет уже начал снижаться, и бесстрашная искательница приключений, на мгновение оторвавшись от окна, посмотрела на дядю. Тот молча сидел, нахмурив брови, и о чем-то глубоко и напряженно думал.

– Все нормально? – с некоторым беспокойством в голосе задала вопрос девушка.

Капитан отозвался не сразу. Через некоторое время он поднял глаза и, посмотрев на племянницу, переспросил:

– Ты что-то сказала?

– Да, дядя Генри. Я хотела узнать, все ли у вас в порядке.

– Все хорошо, дитя мое, – мягко ответил старый моряк. – Если я правильно понял, то на этом записи прерываются.

– Так точно, – подтвердила Элизабет. – Там лишь остались какие-то зарисовки и схемы, очень похожие на карты.

– Чуть позже мы обязательно их подробно изучим.

– Бесспорно, они могут очень нам пригодиться во время поисков Ричарда. Кстати, я теперь понимаю, почему брату не хотелось, чтобы его записи попали в лапы его новому руководству. Тогда никто не смог бы оградить его открытие от разграбления любителями наживы. Рич поступил как истинный ученый, – глаза девушки заблестели, а бледное лицо покрылось ярким румянцем. Она очень гордилась поступком своего брата, но, с другой стороны, понимала, что это было безумием.

– Все это, без сомнения, хорошо, красиво. Прямо-таки сюжет для романа. Но, насколько я понимаю, благодаря этому новому открытию, наш путь теперь усложнится и удлинится вдвое. Не нравится мне все, что здесь происходит. По правде сказать, у меня лишь одно желание: поскорее найти Ричарда и убраться из этого дикого края. Ты представь, что будет, коли мы не найдем Майкла Брайта, а если и найдем, то вдруг он откажется нам помогать?

– Вряд ли. Ведь Ричи посоветовал обратиться именно к нему, сообщив, что господин – его друг. А настоящие друзья никогда не бросают в беде. Я уверена в этом.

– Ох, Бетти. Надеюсь, ты права. Время покажет, – задумчиво пробормотал капитан Херрингтон, пристегивая ремень безопасности. – Знаешь, дитя мое, я многое повидал на своем веку, и дай Бог, чтобы все мои худшие опасения и предположения остались только в мыслях, а не воплотились в реальности. Дай Бог!

Глава 10

– Мистер Мэйсон, – произнесла, вставая навстречу вошедшему боссу, его секретарша. – Вы не могли бы уделить мне несколько минут?

– Ну, что еще?.. Входите, – буркнул Говард Мэйсон, рывком открывая дверь своего кабинета и жестом приглашая ее войти.

Кларисса Смит изящно впорхнула к нему в кабинет с кипой каких-то бумаг.

– А это не может подождать? – раздраженно заметил Мэйсон, усаживаясь за свой рабочий стол. – У меня сейчас нет времени заниматься писаниной.

– Увы, мистер Мэйсон, но контракты не могут ждать. Сегодня их надлежит отправить обратно. Их совсем немного, их подписание не займет много времени.

– Хорошо, давайте, – Говард Мэйсон взял ручку и размашистым почерком стол подпisyвать документы.

Девушка взглянула на своего начальника: он был мрачнее тучи. Вот уже четвертый день подряд Говарда Мэйсона преследовали неудачи. Всегда успешный в делах и обладающий к тому же отличным чутьем, он без особых усилий проворачивал такие смелые проекты, за которые не брались его конкуренты, даже самые опытные, опасаясь все потерять. Но фортуна переменчива. Судьба ничего не дает нам в вечную собственность. Как сказал Ларошфуко: «Миром правит судьба и прихоть». Так произошло и с Говардом Мэйсоном. Сначала акции его компании ни с того ни с сего начали стремительно падать вниз. Это вызвало грандиозный ажиотаж на Нью-Йоркской бирже. Ее лихорадило два дня, и лишь вмешательство влиятельных людей помогло постепенно стабилизировать ситуацию. Но, погасив один очаг возгорания, Говард Мэйсон столкнулся с другим. На ряде его заводов вспыхнули забастовки рабочих, которые были недовольны условиями работы и заработной платой. Ему пришлось лично посетить все заводы и вести неприятные переговоры с профсоюзными лидерами. Но если бы кто-то подумал, что глава компании пошел на уступки, то он ошибся бы. Говард Мэйсон любил рисковать и сейчас не видел причин действовать иначе. Он пригрозил лидерам профсоюзов, что вообще закроет заводы. И тогда жители малых городков, где в основном заводы и находились, умрут от голода в глубокой нищете, главным образом потому, что шестьдесят процентов рабочих мест в городе дают именно его предприятия. Что оставалось делать бедным людям? Известное дело – сдаться. Они прекрасно знали своего хозяина и понимали, что он именно так и поступит, а потом найдет дешевую рабочую силу из числа иммигрантов и запустит заводы снова. А каждого рабочего дома ждут дети, жена, а еще закладные за дом и другие бесконечные счета. Единственное, что Говард Мэйсон пообещал сделать, так это увеличить обеденный перерыв с получаса до сорока пяти минут. Это была просто насмешка, брошенная в лицо изнуренных людей, но в сложившейся ситуации приходилось довольствоваться и этим. Из-за всей этой неразберихи на заводах и бесконечных перелетов он пропустил званый ужин, который давала его теща, чем сильно раздосадовал жену и ее ближайших родственников. Но на это ему было просто-напросто наплевать. Свою жену он всегда считал пустоголовой курицей, которая была способна лишь посещать дамские клубы и сновать по дорогим бутикам в поисках новой безделушки, чтобы было чем похвастаться перед дамами на следующем заседании дамского комитета. Заседания эти все, как одно, посвящены были какой-нибудь «глобальной» проблеме, например, сохранит ли морковная диета молодость тела, и будет ли модна в следующем сезоне шляпка из итальянской соломки. Если поначалу он подыгрывал ей, чем заслужил уважение местных матрон, то после оглашения завещания жена и ее многочисленные родственники стали для него ненужным грузом. Он терпел их лишь потому, что у них все еще оставались влиятельные знакомые, которые могли при необходимости прийти на выручку в критической ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.